

Сергей Романюта

Во всем виноват Колобок

Сказка, наверное, для взрослых

В первых строках...

Как начинаются сказки? Насколько мне известно, начинаются они с фраз: «жили, были», или: «в тридевятом царстве...» Для этой сказки такие начала не подходят. Жили, были или жил-был, это значит один из главных героев жил когда-то, а сейчас его уже нет. Может умер от старости, а может отлучился куда-то или просто переехал в другую местность на постоянное жительство. Получается, что описывая героя, остается только вспоминать его дела-подвиги и время от времени привирая, выкладывая все на бумагу. Сам, изначальный герой, а вернее его прототип, повлиять на сюжет и его развитие уже не сможет, хотя бы по той причине, что никогда об этом не узнает.

В моем случае прототип и один из главных героев — личность вполне реальная и не «жила-была» когда-то, где-то, а живет и здравствует, даже временами песни поет, причем очень громко.

Царство-государство, тоже не какое-то

неведомое и заповедное, и никакое не тридевятое, а имеющее конкретное название. А насчет тридевятости, вполне возможно, что в мировом рейтинге по одному из показателей оно и занимает как раз двадцать седьмое место, а может повыше или пониже, это смотря по чему определять. Если по балету, например, то безусловно первое.

Другие герои, как и события, происходившие, так и происходящие, все между собой как-то перепутались, что уже невозможно отделить героев реальных и реальные события от героев выдуманных и придуманных событий. Опять же, не могу отказать себе в удовольствии, наврать с три короба. Вранье само по себе занятие хоть и бесполезное, но в общем-то приятное, поэтому не могу отказать себе в удовольствии, чтобы периодически врать и придумывать. Но в основном все — чистая правда, а выдумка, это так, для связки слов.

На самом деле таких героев вокруг хоть пруд пруди. Не надо искать героя где-то там далеко, за теми же тридевятью землями, вот он, рядышком. Штаны с ботинками носит, рубашку с курточкой тоже, с соседями здоровается, и вообще, обыкновенный нормальный мужик, единственный недостаток — некурящий, но об этом позже.

Вполне возможно, что знакомиться с героем, читая о нем, занятие и увлекательное, но описывать

его — ничего интересного. Это похоже на написание характеристики. До сих пор удивляюсь, как с этим справляются кадровики и начальники? Вот если описывать какого-то литературного героя, тогда все нормально, пересказал своими словами то, что написал автор и порядок. А писать о человеке на которого мировая литература не обратила внимания — занятие еще то. Конечно, можно пройтись по соседям и наслушавшись «взглядов со стороны», свалить все до кучи и слепить из этого образ человека, так сказать. Но я этим заниматься не собираюсь, и не потому, что времени много понадобится, а потому что просто лень. Да и выслушивать одно и то же, сказанное одними и теми же словами не хочется, поэтому напишу как смогу, а дальше, будь что будет.

I

Как в кино — живет такой парень. Правда парень уже на пенсии, пришло время, выдали ему удостоверение и приняли в ряды пенсионеров. Можно не работать, деньги все равно платить будут, хоть и не так много, как раньше, но на жизнь должно хватать, а в остальном делай что хочешь, никто тебе слова не скажет.

Надо сказать, что дядя Саша, имя подлинное, есть отчество и фамилия, но я специально их не

называю подозревая, что дядя Саша, как человек скромный, будет стесняться, а вовсе не потому, что возгордится от внезапно свалившейся на него «должности» литературного героя.

Так вот, живет такой парень — пенсионер дядя Саша. Ну почему-то не подходит к нему обращение «дед» или «дедушка». Вроде бы и лет уже много, а обращение — дядя Саша звучит более уместно, чем дед Саша. Наверное это зависит от человека, какой он, так его и называют. Некоторых и в сорок лет дедами называют и никто не удивляется. Дяде Саше уже под восемьдесят, а он все дядя и дядя, прямо малолетка какой-то.

Как и всяких серьезный молодой человек, в молодости, дядя Саша, отслужив срочную, устроился работать на производство. Производство было очень серьезным и остается таковым по сей день, но я не буду его называть, потому что там наверняка есть какая-нибудь государственная тайна, а шпионы, как известно, не дремлют и не спят.

Живет дядя Саша один, потому что вдовец. Печально конечно, но жизнь она и есть жизнь — ничего не поделаешь. Есть конечно дети, но они живут своими семьями и у них давным-давно есть свои дети у которых уже тоже есть свои дети. Семья большая и дядя Саша в ней самый старший — глава рода, или патриарх, если по-научному.

Дети и внуки — приличные люди, не пьяницы и не забулдыги там какие-то, работают и наверняка уважаемы в своих трудовых коллективах. Иными словами, все как у всех, в смысле, все хорошо.

Есть дом о трех комнатах, кухне и веранде, а еще огород на котором растет картошка и капуста, морковка и еще что-то полезное для желудка и здоровья в целом. Свой дом он и есть свой дом, это вам не квартира какая-нибудь. Он как женщина, требует к себе постоянного внимания — там надо что-то подправить, там дощечку прибить, забор починить, что-то подкрасить. Много всяких неторопливых дел найдется для человека в таком доме, а по-другому никак. Конечно же, если не уделять ему внимания, он, подобно ветреной женщине, никуда не сбежит и рога не наставит, а будет ветшать, и жить в нем будет не то, чтобы неприятно, а скучно и неудобно. Так что, назвать дядю Сашу пенсионером в чистом, виде язык не повернется, он почти всегда чем-то занят. Единственная разница с работой на производстве в том, что не надо каждый день выходить во двор с утра пораньше и в обязательном порядке что-то пилить, строгать, копать или красить. Все делается и это видно любому прохожему — дом как игрушка, но делается не торопясь, тогда, когда руки дойдут и желание появится.

Жизнь пенсионерская не пионерская. В

походы ходить не приходится, жечь костры по ночам тоже не надо, и не потому, что это запрещено, а просто не каждому пенсионеру придет в голову, пригласив собратьев по пенсионерству, отправиться на ночь глядя в лес, разжечь там здоровенный костер и сидя вокруг него, петь песни. Вот на рыбалку сходить, это другое дело, благо идти недалеко, и костер разводить не обязательно, можно конечно, но это уж как душа захочет. А вот песни петь нежелательно, знающие люди говорят, что всю рыбу распугать можно.

Сразу оговорюсь, в наших с дядей Сашей краях, Золотая рыбка не водится. Вернее будет сказать, что может и водится, но еще никому не попадалась и желаний не исполняла, наверное хитрая очень. А может быть ждет своего часа и своего героя, чтобы предстать перед ним и натворить чудес волшебных, «разворошив» спокойную и однообразную жизнь небольшой деревеньки, расположенной вблизи небольшого городка, который в свою очередь тоже расположен вблизи от города побольше, и так далее, вплоть до града стольного, до которого в общем-то, не так уж и далеко. Но это вряд-ли, а может и случится в один из дней, когда клевать будет хорошо. Но куда Золотая рыбка отсиживается где-то под корягой и возможно дожидается своего часа, жизнь протекает тихо и без каких-либо аномальных выкрутасов.

Пенсионер не может похвастаться ни внезапным перевыполнением плана, ни скандалом с дураком-начальником, нет всего этого в его жизни, оно все, осталось где-то там, в прошлом. А в настоящем он предоставлен сам себе плюс пенсия от государства да то что в огороде растет и по двору бегает.

Это я к тому, что не картошкой и капустой едиными жив человек, и дядя Саша не исключение. Есть у него немудреное хозяйство в виде живности, которая тем только и озабочена, что постоянно так и рыскает в поисках чего-нибудь поесть, или требует этого самого поесть как награду за сам факт своего существования. Что не говори, а хлопот с ними хватает, хоть и не так чтобы уж очень, не стадо коров и не табун лошадей все-таки, но внимание, как не крути, требуется, а значит и работа завсегда найдется.

Но как старательно «не работай работу» по дому и хозяйству, времени она отнимает не так уж и много. Это конечно если каждый день по чуть-чуть, а не накапливать ее неделями и месяцами. Тогда конечно, наберется столько, что и вспотеешь и устанешь несколько раз, пока всю ее переделаешь. Опять же, покуда будешь лениться и накапливать дела «отложные» и неотложные, заниматься тоже чем-то надо, а заниматься-то особо и нечем.

Населенный пункт, в котором живет дядя Саша, можно назвать и деревней и поселком одновременно, потому что он не похож ни на то, ни на другое. Вроде бы деревня, дома-то частные, но встречаются коттеджи и даже несколько многоквартирных домов есть. Но колхоза нет и похоже, что никогда и не было. А с другой стороны и на поселок не похож, никакой промышленности тоже нет. Не считать же за промышленность одиноко стоящий у дороги автосервис и два магазина поодаль. В общем как это назвать — непонятно, но люди живут и вполне довольны своей жизнью, хоть и постоянно на нее жалуются, но это у нашего человека в крови, так сказать, черта национального характера.

А вообще-то скучновато в деревне, скучновато, потому что народу мало, те кто по моложе, постоянно: или на работе, или спешат на работу, или же вообще непонятно чем занимаются. Со сверстниками-ровесниками тоже особо не поговоришь, все уже давным-давно переговорено, ихнюю жизнь и жизнь их родственников знаешь лучше чем свою, а что вытворяют соседи и самому видно. Остаются и охотно принимаются на «растерзание»: президенты, как предыдущие так и нынешний, генсеки всех времен, политики-депутаты ну и конечно же олигархи-кровопивцы, как же без них? Эх, если бы

они знали насколько высок их рейтинг популярности, то работали бы на благо народа, а по общему мнению, вопреки этому самому благу, с удвоенной и даже с утроенной силой.

Из тех разговоров создавалось впечатление, что если бы не все эти дядьки и тетki в дорогих костюмах, то в деревне, у домов, стоит сказать, что почти у каждого дома, вместо надоевших всем Жигулей, Ауди и Ниссанов, стояли бы вертолеты и самолеты, а у некоторых домов даже летающие тарелки. Да и когда им, всем этим дармоедам делом-то заниматься, если их постоянно по телевизору показывают?

Кстати о телевизоре, хорошая штука ничего не скажешь, и каналов много, не как раньше — целых два. А если разобраться, то получается, что и при изобилии каналов ассортимент как меню в заводской столовке, из трех блюд: про войну, про бандюков и про любовь. Ну когда-никогда концерт какой-нибудь покажут, а все равно, поют и пляшут в нем одни и те же рожи. Да и непривычно до сих пор день-деньской телевизор смотреть. Раньше днем на работе, там другой «телевизор», ну а вечером, после ужина и перед тем как спать лечь, конечно же и обязательно. Так что, не смотря на то, что на работу ходить не надо, привычка не смотреть телевизор днем осталась и уступать место привычке смотреть телевизор днем, похоже, не собиралась.

Проблема свободного времени для пенсионера штука злободневная. Это молодежи постоянно времени не хватает. Вечно они куда-то спешат и торопятся, а потому постоянно всюду опаздывают и ничего толком сделать не успевают. Другое дело пенсионеры. Спешить им некуда, дел немного, наверное потому и свободного времени навалом, которое надо куда-то деть. Можно конечно начать болеть, чем некоторые с удовольствием и занимаются. Причем, болеть не чем-то конкретно, а вообще всем и сразу. Ходить по врачам и аптекам, встречаться и разговаривать с такими же «подвижниками» здоровья себя. Занятие хоть и скучное, но некоторых вполне устраивает. Да и чем только не займешься, если делать нечего.

Писать и говорить на эту тему можно очень много, причем даже для того, чтобы занять себя хоть чем-нибудь, а то скучно, скучно в деревне и не только в ней, а вообще. Дядя Саша в этом вопросе не был исключением и не бросался от скуки во все тяжкие, а просто занимался тем, что возился и суетился по хозяйству. В общем, не был избалован событиями яркими и неординарными.

II

— Саш, привет. — у калитки стоял сосед, Иван, в простонародье и за глаза — Ванюня. —

Представляешь, эта ведьма опять чего-то такого понамышала, второй день не могу понять что это, давай помогай.

— Заходи. — Дядя Саша понял что полить огород ему сегодня вряд-ли удастся. Да и солнце светило что поливке вовсе не способствовало, а скорее наоборот, мешало.

Слова Ванюни означали, что пришел с бутылкой, потому что хоть выпить и любил, но не любил это делать в одиночестве, а лучшим участником процесса распития и собеседником во время оногo, считал дядю Сашу.

Ванюня, тоже был пенсионером, правда пенсионером еще совсем молодым и неопытным, так как вышел на пенсию всего лишь год назад. Выйдя на пенсию и находясь, по мнению некоторых из соратников по пенсии, еще в юношеском возрасте, работать дальше он не захотел, так как для этого пришлось бы ездить в город, а потому, жил в свое удовольствие.

Ванюня являл собой яркий пример того, чего в природе быть не должно, как в нашей стране, так и в природе человеческой вообще. Дело в том, что он постоянно хотел выпить а если быть честным до конца то, он выпить не хотел только тогда, когда закусывал. И что никак не укладывалось в головы местных знатоков всех случаев жизни, каким-то образом умудрился не спиться.

Как раз это, при всей своей странности, было бы объяснимо — пьет мужик потому, что неженатый и пригляду за ним никакого нет. Стоит сказать, что Ванюня однажды много лет тому назад развелся, а жениться по новой забыл, да так и жил один о чем, в отличии от прекрасной половины человечества деревни, нисколько не сожалел.

Дело в том, что Ванюня был специалистом не только по части выпить, но и по женской части тоже, и не давал покоя местным незамужним молодкам лет этак пятидесяти. Своих ровесниц по этому поводу он избегал и игнорировал, за что был ими, почти поголовно, нелюбим, много раз обсужден, осужден и заклеямен.

Но не только незамужние сверстницы время от времени принимали участие в его осуждении и пригвазживанию в мыслях к позорному столбу. Активными участницами этого увлекательного и справедливого процесса были, как ни странно, женщины замужние, начиная лет этак с сорока. Эти, по словам Манюни, не любили Ванюню за то, что тот любил как выпить, так и за то, что любил и ох как любил, женщин. Причем, создавалось такое впечатление, что за вторую любовь, его не любили больше.

Чего греха таить, пьет наш мужик, не важно какой — женатый, неженатый, все равно пьет. Но если мужик холостой существо хоть иногда кем-то

и желанное, но как ни крути, бесхозное, то о женатых мужиках такого не скажешь. Иная жена так внимательно относится к мужу, вернее к статусу женатого человека и его соблюдению, что охране любого президента впору удавиться от зависти.

Дело в том, что в своем большинстве, не может наш мужик, подобно Цезарю, совмещать два дела, в нашем случае пить водку и не давать покоя своей жене как днем так и ночью, обязательно какое-то из этих двух дел пускается на самотек и идет по остаточному принципу. В том-то и дело, что внимание к питию и распитию не ослабевает, а внимание к жене наоборот, ослабевает и иногда ослабевает до такой степени, что по своей повседневности становится сродни снежному человеку, ждущему автобус.

Какое там — где сгроб там и супружеский долг не в долг, а в удовольствие и так каждый день! Некоторые женщины такие случаи вообще считали брехней и киношными выдумками. Раз в неделю и то, неделя эта наступает раз в месяц, в лучшем случае. Так оно как-то ближе к суровой действительности. А Ванюня это совмещал и совмещал даже не на все сто, а на все двести и даже триста процентов, остаточных принципов в этих вопросах для него не существовало, оба были первоочередными и первостепенными. Подозреваю

именно за это Ванюня и был так нелюбим замужними соседками и не соседками, а вот мужики почему-то относились к нему вполне нормально и не завидовали.

* * *

— Жаль, что передача «Контрольная закупка» далеко находится, а то я бы туда обратился, пусть определяют. — Ванюня присел на лавочку и закурил.

И точно, юный пенсионер пришел, как говорится, не с пустыми руками, а с бутылкой самогонки. Водку он не жаловал вообще, а покупать ее в магазине да еще за такие деньжищи, считал извращением и образцом грехопадения. Вообще-то, самогонку он тоже покупал, вернее будет сказать, иногда покупал и вот почему.

Безусловной, хоть и не афишируемой, звездой местного самогоноварения, считалась Мария, в простонародье, между собой и за глаза — Манюня. Справедливости ради стоит сказать, что самогонку она гнала не ради наживы, скорее всего, ей просто нравился сам процесс. Подходила она к этому ответственному мероприятию с душой о чем свидетельствовало то, что весь произведенный ею продукт настаивала на корешках и травах. Самое интересное, никто не знал на каких и в каких

пропорциях, это была так сказать ее профессиональная тайна, как рецепт Кока-Колы наверное. Самогонка в ее исполнении имела тонкий букет за что и была ценима.

Манюня. Мария, она же Манюня являла собой женщину неоспоримых достоинств видимых невооруженным глазом вопреки одежде. Об ее невидимых достоинствах и внутреннем мире вообще, оставалось догадываться, что время от времени, то есть почти постоянно, не давало покоя некоторым жителям деревни, впрочем, как и внутренние миры других односельчан.

Так что, качественный и ни в коем случае не мутный и не вонючий напиток у Манюни был всегда в наличии и любой из желающих, и знавший ее лично, а в деревне друг друга знали все, завсегда мог его приобрести за в общем-то небольшую плату. Единственными ограничениями в продаже для жаждущего были: его неменяемое состояние и темная ночь... В этих случаях никакие уговоры и якобы объективные причины не действовали.

Такова в общих чертах была алкогольная обстановка и диспозиция на просторах этой деревни. Что происходит по этому поводу в других деревнях, сказать не могу потому что не знаю, да и не интересуюсь.

Безусловно постоянным и наверное самым желанным клиентом для Манюни являлся Ванюня.

Их наверное так и прозвали в деревне, как сказочно-былинных Ивана да Марью, только применительно к конкретной местности и характеру их взаимоотношений. Уж очень похоже, что Ванюня сумел разглядеть внутренний мир самогонной королевы, а она разглядела его внутренний мир.

Время от времени товарно-денежные отношения между ними приобретали характер товарно-неизвестно каких. То зайдет Ванюня к Манюне и уже через пару минут выходит довольный, получив желаемое.

А бывало что зайдет и тоже выходит довольный, но выходит не через пару минут, а минут этак через тридцать-сорок а то и через час. Что и в каком количестве он получал за столь длительное время, остается только предполагать и догадываться. Но недремлющие деревенские глаза и очи, мало озабочены достоверностью и незыблемостью доказательной базы. Для них важна и первична душевная составляющая происходящего, причем их душевная составляющая.

Разумеется, и Манюня и Ванюня никому и никогда не рассказывают о своих взаимоотношениях, каким бы они ни были, да оно и не надо, потому что переубедить кого-то в чем либо да еще в деревне, просто невозможно. С

расспросами не пристают и на том спасибо.

Надо хоть своим подсказать, а если иностранцам, то за деньги, и за большие деньги. Ведущим аналитикам всех разведок и контрразведок мира, надо приезжать в эту деревню и: учиться, учиться, и еще раз учиться.

Итак, ничего не предвещало бури, а воздух если и сгушался, то сгушался незаметно для его сгущавших.

— Саш, я так думаю, Манюня в самогонку дурман-траву какую-то подсыпает, не иначе. — Ванюня не давал себе скучать в ожидании стопок и соленых огурчиков, которые в исполнении дяди Саши, были очень даже недурны. Вот ведь, вроде бы нормальный мужик, а огурцы делает так, что любая баба позавидует.

— Значит Ванек, ты и есть самый первый одурманенный, Дуремар, одним словом.

— А ты?

— А что я? Я уж вслед за тобой и неизвестно в каком десятке. Ты ж у Манюни почитай каждый день самогонку берешь. — дядя Саша поставил на стол две рюмки и тарелку с огурцами.

— Не, не каждый. Позавчера не брал, в город ездил. Представляешь, на улице столько народу шляется... Когда работают? Непонятно.

— А может они тоже на пенсии.

— Что прямо-таки все? Вряд ли. Ну ладно,

давай задегустируем обед из двух блюд. На первое самогонка, на второе огурцы. Они чокнулись, выдохнули, выпили и захрустели «вторым блюдом».

— Хороша зараза. И что она такое в нее добавляет? Молодец баба, прямо-таки самогонная волшебница. — Ванюня разлил по второй. — Ну давай еще по одной а там и перекурить можно.

— Поехали. — они выпили. Дядя Саша захрустел огурцом, а Ванюня с удовольствием закурил. — Вот и женись на волшебнице-то самогонной, в самый раз тебе жена. Из себя видная, хозяйка хорошая, а уж про самогонку и все остальное ты лучше меня знаешь. Ты ж еще молодой, тебе жениться надо. Без бабы плохо, по себе знаю.

— А сам-то что не женишься? Или сил осталось только на то, чтобы других с пути истинного сбивать? — засмеялся Ванюня. Стоит сказать что этот разговор у них был, так сказать, дежурным и с небольшими импровизациями повторялся при каждой их встрече за столом, по поводу и без него.

— Сил-то у меня хватает, с тобой могу поделиться. — дядя Саша говорил правду. Не смотря на преклонный возраст, был он статен и могуч как дуб и выглядел лет на десять-пятнадцать моложе. — Я то уже старый, помирать скоро. Да и

за кого выходить, за вертихвостку какую-нибудь? Так ей дом нужен а не я. Такая в могилу-то побыстрее и спровадит. Так что поживу-ка я один, да и привык уже.

— Ага, тебя значит спровадит, а меня не спровадит получается?

— Тебя скорее от других баб отвадит. Ну а спровадит, если ты не успокоишься, и то, не иначе, как под горячую руку.

— Да уж, что-что, а рука у нее действительно горячая. — Ванюня было, то ли замечтался, то ли еще что, но быстро опомнился. — Неча разговоры разговаривать, давай еще по одной. — Вот ведь баба. Наверняка в школе на двойки училась а какую самогонку вкусную делает. Ей бы производство самогонное организовать, миллионами бы ворочала.

— Не, не получится, депутаты с олигархами не дадут. — тема для разговора о кровопивцах и дармоедах появилась как ей и было положено, после третьей, точно также, как и «за тех, кто в море» и не потому, что была такой уж злободневной, а потому что больше-то особо и разговаривать было не о чем.

Но сегодня видимо звезды закапризничали и расположились у себя на небе как-то не так, как им было положено располагаться в этом случае, потому что разговор свернул можно даже сказать в

неожиданную сторону.

— Саш, а вот интересно, еще какой-нибудь народ водку на травах настаивает или только наши додумались? — Ванюня разлил еще по одной.

— Не знаю Вань, наверное. Раз уж Манюня додумалась, то и другие наверняка смогли. Не грей, поехали. Это надо у Ботаника спросить, он все знает.

— Кстати, А где он? Я ему «Примы» принес, целую пачку.

— Не знаю Вань, шляется где-то, как обычно. Был бы неподалеку, уже все сигареты у тебя «выщыганил».

* * *

Несправедливо и непростительно будет не рассказать о том, кто такой Ботаник. Хозяйство дяди Саши невелико и немудрено. Помимо огорода есть у него и живность в наличии: кур, поросенка по кличке Октябренок, потому что жизнь очередного носителя пяточка и этого имени, как правило, обрывалась аккуратно на октябрьские праздники и козла по кличке, а справедливее будет сказать, по имени Ботаник.

С виду это обыкновенный и ничем не примечательный козел: четыре ноги, рога, борода и наглый взгляд. Если судить только по этим

признакам, то ничем особенным от других своих как деревенских, так и в масштабах страны сородичей, Ботаник не отличается, но это если разве что на первый взгляд. Ну ходит сам по себе, а не пасется на лугу, привязанным к колышку, такое тоже встречается, хоть и не так часто. И точно также, как и от других козлов, толку от него было никакого, тем более что коз дядя Саша не держит, а потому, подобно своему хозяину, Ботаник — холостяк, что впрочем не мешает ему время от времени навещать представительниц прекрасного пола среди себе подобных.

Ни для кого не секрет, что козы и козлы, в частности, все без исключения, любят бумагу и с удовольствием ее поедают. Ботаник не был исключением и точно также съедал всю бумагу, которая ему попадалась. Но, в том то и дело, что он предпочитал бумаге вообще — газеты, книги и журналы. Столь своеобразное пристрастие Ботаника хоть и звучало фантастически, но на самом деле объяснялось довольно-таки просто — прежде чем съесть газету или журнал, он их прочитывал, причем от корки до корки. Да, не удивляйтесь, Ботаник умел читать и делал это с большим удовольствием.

По словам все знающих жителей деревни, виной всему были однажды пролетавшие мимо инопланетяне. Они увидели Ботаника, правда тогда

еще не Ботаника, а обыкновенного деревенского козла неизвестной породы, который стоял перед неведомо каким образом попавшей на стену автобусной остановки афишей и принаравливался, как бы ему эту самую афишу слопать. То, что было написано на этой афише, его совершенно не интересовало, потому что он даже не подозревал о существовании букв и слов и уж тем более, что их можно на чем-то писать.

Может из жалости, может быть из озорства, а скорее всего от нечего делать, инопланетяне просканировали тогда еще не Ботаника, а обычного козла Борьку и заглянув вглубь его темной и невежественной природы, научили читать и говорить. Так и стал козел Борька Ботаником. И хотя уже будучи прекрасно осведомленным о двух основных значениях слова «ботаник», все равно, считал, что назвали его так только потому, что он травоядный. А вот жители деревни на этот счет придерживались другого мнения что, впрочем, не мешало другому, в смысле, мнению.

По первости, народ от него шарахался и чуть-ли не падал в обморок, но со временем попривыкли. Говорящий попугай первые полчаса тоже в диковинку, а потом вроде бы как и ничего, вроде бы так и должно быть. Так и с Ботаником, поудивлялись, некоторые даже дяде Саше пытались жаловаться на то, что Ботаник к ним с разговорами

приставал. На что дядя Саша и посоветовал, мол, если понимает человеческую речь, то, если послать куда подальше тоже поймет, а обидится-не обидится, тут уж неизвестно.

Правда из-за нежданно-негаданно обретенного дара чуть было не пошел Ботаник по «скользкой дорожке.» Дело в том, что ведомый жаждой общения, пару раз попадал он в компании выпивавших мужиков. Те с радостью его угощали, а что, бесплатный цирк с доставкой на дом, но вот как раз домой после этого Ботаник возвращался еле-еле, даже на четырех ногах. За это был он в первый раз дядей Сашей отруган на чем свет стоит, а второй раз отлуплен, причем, судя по тому, что после этого стал трезвенником, отлуплен основательно и со знанием дела. Единственное к чему Ботаник так и остался равнодушен, так это к сигаретам и очень сокрушался, что дядя Саша некурящий. Поэтому приходящим в гости мужикам, Ботаник был всегда рад, а особенно был рад приходу Ванюни, который иногда приносил ему целую пачку сигарет «Прима». Сигареты Ботаник не курил а тоже съедал, правда съедал не читая, наверное потому, что читать на них было нечего, ну разве что название.

* * *

— Дядь Вань, привет. Дай закурить.

— Вот он, только вспомнили, тут как тут. — Ванюня вытащил из кармана пачку «Примы» и дал одну сигарету Ботанику, который быстренько ее сжевал и уставился на Ванюню наглым и бесхитростным взглядом. — Ну, рассказывай, где был, что видел, что нового в мире творится?

— Реклама, дядь Вань, в мире творится. Продыха от нее нет, просто сплошной информационный голод. — Ботаник получил еще одну сигарету и с удовольствием принялся ее пережевывать. — ну разве что американцы все воду мутят, никак не могут успокоиться.

— Да уж, паскудный народишка. И за каким хреном, спрашивается, Колумб поплыл в эту самую Америку? Что мы, без них что-ли не прожили бы? Саш, давай еще по одной. А ты, Ботаник, в завязке, ты когда пьяный вести себя не умеешь, к людям пристаешь.

— А я и не хочу. — сейчас для Ботаника сигареты, которых он увидел аж целую пачку, были гораздо важнее, чем какая-то самогонка. — Дай лучше закурить.

— Вот выпьем, после и перекурим. — Ванюня с дядей Сашей выпили, закусили огурцами, после чего Ванюня и Ботаник, каждый по своему закурили, и светская во всех отношениях беседа, готова была продолжиться.

— Ладно, вы тут покуда про американцев поговорите а я пойду, собрался сегодня пирожков испечь, тесто наверное уже подошло. — дядя Саша поднялся и направился к крыльцу.

— А с чем пирожки-то, Саш?

— С луком и с яйцами, мои любимые. С мясом возни много да и покупать его надо, Октябренок еще не созрел, а этого добра завсегда в достатке. Не скучайте тут.

— Ну тогда я до Манюни сбегаю. Под пирожки это же почти святое дело! А про американцев, Ботаник, мы с тобой потом поговорим, заодно и покурим. — Ванюня подскочил как по боевой тревоге и быстрым шагом направился к калитке.

— Иди, иди. Все равно же не отвяжешься. Денег дать? — почти вздохнул дядя Саша, хотя выпить еще, был совсем не против.

— Не надо. — крикнул Ванюня с улицы.

* * *

Столь редкое среди местных мужиков увлечение кулинарией постигло дядю Сашу, можно сказать, совершенно внезапно, хоть и не случайно. Мужик он если и готовит, то по необходимости, а не для удовольствия. Взять того же Ванюню, если уж и сварит суп, то неделю ходит весь довольный

собой и рассказывает, в основном Манюне и дяде Саше, какой вкусный суп он сварил. Правда отведать почему-то не приглашает, и не потому что жадный. Ванюня как раз мужик-то не жадный, честно говоря, непонятно почему не приглашает. Вообще-то местные мужики всех возрастов, в кулинарных «извращениях» специализировались по двум направлениям — шашлыки и уха. Ну понятно, что шашлыки были популярнее: и мясо уже готовое всегда купить можно, и самодельных мангалов в виде кирпичей и камней вокруг понаделано множество. По своей простоте и доступности, это почти тоже самое, что быстрорастворимую лапшу заварить, только гораздо вкуснее. С ухой посложнее, для ухи рыбы надо наловить, магазинная замороженная для ухи совсем не подходит. А может и подходит, просто вварить из нее уху, да еще и на костре, никто не додумался. Вот и все, так сказать, кулинарные пристрастия, в плане сделай сам, которые были присущи местным мужикам.

А дядя Саша увлекся выпечкой пирожков и пирогов просто потому, что однажды дети подарили ему новую газовую плиту. Стоит сказать, старая плита была настолько древней, что наверняка была ровесницей сказочной скатерти-самобранке, а может иногда и замещала ее, или помогала, по большим праздникам. И вот в

один из дней, привезли ему этакое «чудо современности», установили, все честь по чести, а дальше начались эти самые чудеса, как со стороны дяди Саши, так и со стороны плиты. Плита оказалась мало того, что красивой, так еще и очень удобной. Мало того, что не надо было спички изводить — повернул ручку, огонь и загорелся, так в ней была еще и духовка, которая почитай сама все делала. Единственная твоя забота — засунуть туда то, что хочешь испечь, выставить нужные температуру и время, а дальше она сама все сделает, сама испечет и сама выключится. Остается только и дел — вытащить то, что испеклось, остудить, а дальше. А дальше никого учить не надо, что дальше делать. Вот и пристрастился дядя Саша печь пирожки и пироги, а что, тесто всегда можно в магазине купить, причем какое хочешь, начинку нашинковать, так вообще, минутное дело, а все остальное печка сама делает.

Вот покуда Ванюня бегал за добавкой до Манюни, дядя Саша успел не особо мудрствуя, налепить пирожков и отправить их в духовку. Правда на этот раз теста оказалось больше чем начинки и что с ним делать, было непонятно, но дядя Саша решил не забивать голову всякой ерундой, потом что-нибудь да придумается.

* * *

— Стало быть, Саш, где пирожки-то? — Ванюня появился с весьма довольной физиономией, поставил на стол принесенное и разлил по стопкам то, что оставалось в первой бутылке. — Саш, ты где?

— Иду, иду. Экий ты, Иван, скорый, подождать надо покуда испекутся, потом покуда остынут, не все сразу. — дядя Саша присел напротив поставив на стол тарелку с огурцами.

— Значит подождем, спешить-то некуда, потому как на пенсии. Ну давай, за пенсию, чтоб ее каждый день платили!

— Ну давай. Ботаник, на хоть, огурчиком закуси, а то стоишь как с другой деревни. — откусив немного, большую часть огурца дядя Саша протянул Ботанику. — хрумкой.

Ботаник схрумкал огурец и попросил у Ванюни сигарету.

— Правильно мыслишь. — выпил, закусил, а теперь и перекурить можно. — Ванюня достал сигареты, себе с фильтром, а Ботанику без фильтра на что последний внимания совсем не обратил. — Ботаник, а вот скажи, и зачем этот Колумб в Америку-то поперся, ему что, в Европе места мало было? — тема для разговора определенная изначально, требовала своего развития, а выпитая и еще не выпитая самогонка этому только

способствовала.

— Колумб, он вообще то в Индию поплыл. — ответил Ботаник.

— А тогда почему в Америке оказался?

— Ну, Земля она же круглая, вот он и решил, что в какую сторону не плыви, все равно в Индию попадешь.

— Ага, попал. А там американцы оказались, ну дела. — засмеялся дядя Саша.

— Это он в Америку попал, потому что они только вино и пьют, а от него сплошное помутнение в голове и никакого толку. Саш, давай еще по одной. — выпили, закусили и почти ученая беседа продолжалась.

— Вообще-то, первыми в Америку викинги приплыли, еще до Колумба. — Ботаник находился почти на верху блаженства. С одной стороны, он мог рассказать то, что когда-то вычитал, что к его сожалению случалось не столь часто, а с другой стороны, Ванюня не скупился на «Приму», до которой Ботаник был очень охоч. — только тогда никакой Америки там вовсе и не было, ну в смысле государства, индейцы там жили, вот и все.

— А, точно. А что ж тогда не остались? Колумб смотри-ка, сколько золота оттуда вывез, а этим что, золото не нужно было, или индейцев испугались? — Ванюня не то, чтобы был невеждой, просто обстановка благоприятствовала. «Напиток»

в наличии, пирожки пекутся, да и огурцов почти полная тарелка, так что, можно и поговорить.

— Наверное не те индейцы попались. Колумб, так тот на юг приплыл, там богатые индейцы жили, а на севере видать бедные. — дядя Саша в ожидании пирожков тоже был не прочь принять участие в ученой беседе. — А викинги еще те разбойники были, всех грабили, без разбору. Наверное им бедные индейцы про богатых ничего не сказали, вот те и вернулись.

— А почему не сказали-то?

— Откуда я знаю? Может ничего о них не знали, а может пожадничали, думали сами сходить и поживиться.

— Это потом уже, приплыли туда французы и англичане, перебили всех индейцев и стали там жить, так и появилась Америка. Дядь Вань, дай закурить.

— На, кури. — усмехнулся Ванюня протягивая Ботанику сигарету. — А южных индейцев, ну которые богатые. Тоже перебили?

— И тех тоже. Не сказать чтобы всех, но многих. Теперь там на испанском языке все говорят, потому что испанцевских рук дело, а на севере на английском, потому что англичане.

— Во сволочи! Все им мало. Саш, давай что-ли за индейцев выпьем, жалко их, и бедных и богатых. — Ванюня разлил по полной, тост был

поддержан, два огурца не избежали своей участи, и беседа продолжалась.

Между тем пирожки успели, о чем плита сообщила дзиньканьем, и дядя Саша пошел на кухню, дабы вытащить их из духовки и поставить остужаться.

— Это получается что нынешние американцы, это бывшие европейцы?

— Да, вернее их потомки.

— И что получается? Уплыли, натворили там дел, а теперь назад прутся?

— Дядь Вань, это ты о ком?

— Об американцах, о ком же еще! Что им там спокойно не сидится-то, или индейцы кончились, грабить некого?

— Дядь Вань, это называется геополитика, ну в смысле политика в масштабе всей планеты.

— Тьфу ты! Слово-то какое придумали. Саш, где ты там? Держи сигарету, грамотей.

Американская политико-историческая тема оказалась внезапно исчерпанной, а выпивки было еще прилично, да и пирожки вот-вот должны были остыть, поэтому в продолжении распития и в ожидании пирогов, разговаривать о чем-то было надо. Ботаник был только за продолжение беседы, тем более что «Примы» по его прикидкам, у Ванюни было много, да и был шанс отведать свежего пирожка с яйцом и луком.

Соседи и жизнь в деревне вообще как-то не интересовали, и без разговоров каждый день видно, ну их. Поэтому Ванюня соображал о чем бы таком интересном еще спросить у Ботаника и спросить так, чтобы самому не оказаться полным профаном в этом вопросе, потому что в отличии от Ботаника, Ванюня ни газет, ни книг не читал вообще, а только телевизор смотрел, и то, по вечерам. Но дело в том, что Ботаник хоть книги-газеты и читал, зато не смотрел телевизор вообще, не полагается козлу смотреть телевизор, так что по части эрудиции, Ванюня и Ботаник были где-то на равных.

— А вот скажи, Ботаник, почему белые медведи на Северном полюсе живут, а на Южном нет, неужели пингвинов боятся? — Ванюню на самом деле интересовал этот вопрос. Жалко ему было белых мишек. В Антарктиде вон сколько пингвинов, а мишки на севере, это вам не конфеты вкусные. Им там, для того, чтобы не помереть с голоду, приходится тюленей из подо льда выковыривать, и вообще, тяжело им там живется. Вот если бы им кто сказал, сколько еды по Антарктиде ходит. Интересно, доплыли бы?

Разумеется в слух свою мысль Ванюня развивать не стал, а то еще подумают, что окосел, а он на самом деле еще ни в одном глазу, ну почти.

— Это потому что в Антарктиде чукчи не живут. Они с белыми медведями не разлей вода,

куда одни, туда и другие. Пьяный что-ли, такую ерунду у животного спрашивать? — дядя Саша принес пирожков, но они были еще слишком горячими, можно было обжечься, поэтому в ожидании пока остынут, предложил:

— Давай наливай, медведь антарктический.

— Это, всегда пожалуйста. Ну, давай что-ли за пингвинов, хоть им повезло, а то бы и их, как индейцев.

— Медведи живут в Северном полушарии, правда в Южном тоже живут, но немного и маленькие. — как ни в чем ни бывало продолжал Ботаник. — Те, которые живут на севере, те белые, чтобы прятаться легче было, а те кто поюжнее — те потемнее.

— Ага, вот почему тогда негры такие черные, это потому что они на юге живут. — засмеялся Ванюня.

— Ты Вань, если вконец окосел, то иди домой, а если не окосел, то перестань нести ахинею. — дядя Саша не любил пьяных, причем не любил даже тогда, когда сам был в подпитии.

— Не окосел еще, могу доказать. Во, и пирожки кажись остыли. Давай под пирожки и ну их этих негров с медведями. — сказано, сделано. — Ух ты, еще горячие. Ботаник, не смотри так жалостно, и тебе достанется, просто они еще горячие, а тебе горячее вредно. Слушай, а почему,

а?

— Наверное потому, что трава горячей не бывает. — Ботанику очень хотелось съесть пирожок и то, что они все не остывали и не остывали, настроения не поднимало. А вдруг, пока они еще горячие, их съедят а ему не достанется?

— Не волнуйся Ботаник, достанется тебе пирожок, достанется, только пусть остынет. — дядя Саша как будто прочел его невеселые мысли. — Вань, представляешь, пожадничал я получается, слишком много теста купил. Пирогов напек, и еще осталось, на каравай хватит. Если заморозить, уже не то будет, выбрасывать жалко, даже Октябренку жалко отдавать, хлеб все-таки, пусть и не испеченный.

— Ну так испеки каравай. Лишний раз в магазин не надо будет идти, да и свой хлеб завсегда лучше магазинного. Или не умеешь? — было видно, что Ванюня явно провоцирует дядю Сашу, но провоцирует, так сказать, во благо, а то глядишь, и вправду, выбросит.

— Почему не умею, умею. У меня даже книжка есть, там много всяких рецептов, наверное и про хлеб есть.

— Ну так и пеки, пока тесто не засохло. Саш, слухай, идея! А ты добавь в тесто маленько самогонки, грамм пятьдесят. Она ведь на травах, ароматная, значит и хлеб у тебя ароматный

получится. — было это сказано до того серьезно, что дядя Саша так и не понял: то ли Ванюня издевается, то ли его осенило, то ли он все-таки напился и окосел, поэтому, неожиданно для себя, согласился попробовать.

— В торты и пирожные тоже коньяки и ликеры добавляют, чтобы вкуснее было. — авторитетное мнение Ботаника окончательно решило участь каравая, которому предстояло стать наверное первым в истории человечества и хлебопечения, караваем замешанном на самогоне.

— Ладно Вань, наливай, и пойду я экспериментировать. — выпив и закусив, дядя Саша отправился воплощать в жизнь дикие фантазии своих собеседников.

— Дядь Вань, дай закурить.

— На, кури.

— Дядь Вань, ты зачем про самогонку-то насоветовал, а вдруг как гадость получится, что даже Октябренок жрать не станет? — Ботаник был слегка обескуражен.

— Да сам не знаю, как-то само собой в голову пришло. А Октябренок, тот все станет. Ему хоть чего намешай, лишь бы побольше. Лето на дворе, а он смотри какой уже вымахал, что ж с ним к осени-то будет?

— Понятно что будет, на сало пустят. Эх, все-таки хорошо, что я козе, а не свинья какая-то

там. — мечтательно сказал Ботаник.

От сказанного Ванюня чуть не свалился с лавки, и стараясь не сорваться на дикий хохот, скорее прошептал:

— Ты хоть предупреждай, прежде чем сказать такое, этак и кондрашка хватит. На вот лучше пирожок, остыл уже.

Ботаник с благодарностью взял лакомство и чинно, неторопливо его съел. Он было почти уже поверил в то, что сей кулинарный шедевр ему не достанется, а будет недели две подряд только сниться. Такое уже случалось, это когда он пить бросил. Хоть все деревенские мужики знали, что Ботаник в «завязке» и при помощи кого и чего он завязал, некоторые из них все-таки нет-нет, а и предлагали Ботанику сто грамм когда тот, разумеется совершенно случайно, оказывался рядом. Ботаник, будучи полон воспоминаниями и ощущениями от недавнего воспитательного процесса, благоразумно предложения отклонял и шел дальше, но еще довольно-таки долго, он не смог бы сказать сколько именно, ему снился один и тот же сон — сначала полстакана водки, а потом разговоры, много разговоров обо всем, потом еще водка, потом опять разговоры и так пока не проснется.

Дело в том, что Ботаник не был человеком, а потому был существом непосредственным и не

понимал всех этих, как он считал, сложностей, которыми себя окружили люди. Если есть еда, значит ее надо съесть, чего ждать-то? Ну и что ж что горячий? Если горячий, так завсегда можно на землю бросить, а с нее пирожок уже никуда, кроме как в ботаников желудок, не денется. Все-таки странные какие-то эти люди.

Однажды Ботаник увидел у автобусной остановке сидящего на лавочке мужика, который просматривал газету. Справедливо решив, что мужик ее уже прочел а сейчас просто ищет то, что ему в газете понравилось больше, чтобы перечитать по новой, Ботаник попытался ее отобрать, мол прочитал, дай другим прочитать. Скорее всего мужик был приезжим, потому что отреагировал на это весьма странно. Вместо того, чтобы газету отдать ну или на худой конец отогнать Ботаника, мужик бросил ее и с криком, полным ужаса, побежал по улице. Интересно, а что было бы с тем мужиком, если бы Ботаник вместо того, чтобы молча отобрать газету, вежливо попросил мужика отдать ее? Стоит сказать, что тот мужик немало удивил и насмешил деревенских жителей не тем, что испугался и убежал от какого-то козла, а тем, что читал газету на улице. А Ботаник, Ботаник в деревне никого уже удивить не смог бы, впрочем он и не собирался этого делать.

— Дядь Вань, а ты знаешь за что гавайцы

съели Кука? — спросил Ботаник покончив с угощением.

— Хм, в песне поется — хотели кушать и съели Кука. И никакие не гавайцы, а аборигены. — Ванюня слегка помутневшими глазами смотрел на ополовиненную бутылку. Ему хотелось выпить еще, но в одиночку он пить не любил и не мог, а дядя Саша все еще возился с тестом, поэтому приходилось курить и ждать.

— Не дядь Вань, аборигены это в Австралии, а Кука съели на Гавайских островах, значит гавайцы. — если у Ванюни общения требовала выпитая им самогонка, то у Ботаника съеденный пирожок. Кроме того, теплилась надежда, вдруг как еще один дадут?

— Какая хрен разница, гавайцы или аборигены, и те и другие голяком бегают и кокосовые орехи жрут. У них там наверное больше ничего и нет, вот им мяса и захотелось.

— Не скажи дядь Вань, у них много чего и растет, и живности всякой водится, да и рыбы в океане полным-полно. Это у них традиция такая была, чтобы стать сильным и смелым, надо было съесть сильного и смелого человека, из другого племени, а Кук приплыл к ним аж из самой Англии, вот они и захотели стать такими же как он.

— Теперь понятно почему никого из наших депутатов с олигархами до сих пор не слопали —

сплошное дерьмо. Да и с Куком у них промашка вышла, только его на харчи и пустили. Вон сколько к ним туристов ездит, все целы-целехоньки, видать тогда траванулись хорошо, до сих пор забыть не могут. А насчет того, что у них там всего много, так я читал как нашим, ну чтобы Новый год по-людски встретить, пришлось туда с собой снег и елки везти, нету там этого. А ты говоришь...

— Насчет елок и снега ничего не скажу, может и возили, а может это байка какая, или анекдот. Сейчас много всякой ерунды в газетах пишут, а проверить не проверишь.

— Ладно, лето на дворе и Сашка куда-то запропастился. Саш, ну ты где? Или ты решил из этого теста скульптуру изобразить?

— Да не кричи, здесь я. — дядя Саша присел на лавку, вытирая полотенцем влажные руки. — А знаешь, каравай-то, получился. В духовку поставил, пусть печется.

— А я что говорил! Ну ладно Саш, давай еще по одной, да пошел я до дому а ты пеки свой каравай, завтра угостишь.

— Ну давай, и хватит на сегодня. Глянь, вроде бы и сидели всего ничего, а вечер на дворе. Ботанику, так тому вообще уже, спать пора.

Они выпили и закусили. После чего настала пора расходиться по домам.

— Вот ведь Саш, все-таки мы с тобой

ненормальные.

— Это почему? — спросил дядя Саша, хотя ответ знал наперед, потому что слышал его уже много раз. Это было нечто сродни ритуалу прощания и повторялось раз за разом, уже довольно-таки давно.

— А потому. Вот смотри, у нас с тобой еще почти полбутылки, ну чуть поменьше, а мы с тобой уже все, уже по домам. Нормальный же мужик он пока все не выпьет, не успокоится. А когда выпьет все, пойдет искать еще. И так до тех пор покуда или не упадет, или покуда действительно ничего больше не найдет. У нас смотри еще сколько, а мы уже ни-ни, потому и ненормальные, мутанты наверное.

— Может ты и мутант а я нет, во всяком случае за собой не замечал.

— Ну ладно Саш, спасибо, пошел я до дому, телевизор смотреть буду да и поесть чего-нибудь надо.

— Ну давай, иди. Молодец что зашел. А я хлеб допеку, да тоже поужинаю и какое-нибудь кино посмотрю. Ботаник, на еще пирожок, вижу что хочешь а спросить стесняешься. И в кого ты такой воспитанный, а?

— В тебя Саш, в тебя, в кого же еще. Ну ладно, пока, пошел я.

— Ну, бывай.

Может оно выглядит и фантастически, но дядя Саша и Ванюня действительно, как принято говорить, знали меру потому и напивались очень редко, потому и не спились и не стали алкоголиками в свои годы.

Все разошлись довольные друг другом: Ванюня отправился домой, правда у него мелькнула мысль заглянуть к Манюне, но немного подумав, он решил, что баловство это, в смысле баловство для Манюни, а баловство, как известно, до добра не доведет.

Ботаник, довольный тем, что получил еще один пирожок, отправился к себе в сараюшку. Он действительно рано ложился спать, потому что вставал рано, с восходом солнца. Почему-то все думают, что только куры и гуси, как стемнеет, так спать ложатся, ерунда все это. Лошади, коровы да и козлы тоже, не любят по ночам шараться, для этого им и дня хватает. Это только кошки с собаками, так для тех, вообще, ни дня, ни ночи не существует — могут день деньской проспять, а потом всю ночь напролет лаять, выть, мяукать и вообще, орать дурным голосом. Стоит сказать, что ни кошки, ни собаки, у дяди Саши не было. Толку от них, так же как и от Ботаника, никакого не было, так что и одного бездельника, вполне достаточно.

Ну а дядя Саша прибрал со стола и пошел в дом. В ожидании окончания процесса

хлебоиспечения, он поужинал, помыл посуду и отправился в большую комнату, смотреть телевизор, Включил, нашел продолжение вчерашнего сериала, где все ловили всех и никак не могли поймать, и не то чтобы принялся внимательно следить за развивавшимся на экране действием, а просто отдыхать, как не крути, а весь день на ногах все-таки.

Мелодичным звоном печка сообщила, что все готово и что она свое дело сделала, а дальше уж сам, как знаешь. Дядя Саша прошел на кухню и одев на руки варежки-прихватки, вытащил из духовки противень с готовым караваем. Каравай получился не то чтобы на славу, но вполне приличным, не очень большим, но и не очень маленьким и вполне румяным. Дядя Саша, поставив противень на специальную подставочку и накрыв каравай чистой льняной салфеткой, оставил его один на один с самим собой, то есть, остужаться, а сам отправился досматривать фильм.

Так закончился, вернее, почти закончился, еще один из многих дней. Все было как обычно и ничего нового не произошло. Может и правду говорят, что самые лучшие новости, это отсутствие новостей. Как знать, может и так, но для того, чтобы убедиться в справедливости сказанного, надо, как минимум, узнать, что из себя представляет, так сказать, обратная сторона

медали. Ведь бывает, что гораздо лучше именно тогда, когда все не так, как говорят, а совсем наоборот. Но не все на это отваживаются, да что там греха таить, не все об этом просто задумываются. И тогда по никому из людей неизвестным законам, начинают происходить такие вещи, которые почему-то называют чудесами, хотя на самом деле, никакие это не чудеса. Это те самые новости, без которых якобы лучше.

III

Некоторые люди говорят, что утро не бывает добрым. Наверное так говорят те, кто просыпается в районе обеда, для тех утра не бывает вообще.

Кстати о «вообще». Вообще деревни и эта деревня, в частности, просыпаются очень рано. Это вам не город какой-то, это деревня, а в ней будильниками петухи работают, это птицы такие, если кто не знает. Для того, чтобы работать будильниками, им достаточно наличия кур, или курей — кому как нравится, а что поесть-поклевать, они и сами найдут если что.

Ну вот, например, почти в каждом городе есть ночные клубы. Мне один мужик рассказывал, кстати сугубо деревенский житель. Он, прослышав про эти самые ночные клубы, справедливо решил, что теперь они все такие, просто название слегка

поменяли. А у них в деревне как раз был клуб, правда старый, но был. Вот он, где-то ближе к полуночи, и отправился туда а чтобы не скучно было, прихватил с собой. Ну пришел, клуб как клуб, что днем что ночью, только видно хуже, потому что темно. Постоял, посмотрел, даже постучал в дверь на всякий случай, а ответ, как в песне... Ну и что, пришлось на улице без музыки и в одиночку, хорошо хоть стакан догадался с собой прихватить. Может быть этим и отличается город от деревни, как знать.

А вообще-то деревня отличается от города тем, что ночью она спит, спит как сама деревня, так и ее жители. Первой ложится спать домашняя живность — наетая, напитая перед сном, оттого с удовольствием и без скандала промеж собой засыпающая. Вот ведь что интересно, это так, к слову пришлось, при всей своей любви к пище недуховной и регулярным ее употреблением перед сном, никто из домашних животных не боится поправится, да и не особо-то и поправляется. Ну разве что поросята, Впрочем, они хоть и поправляются, но не боятся этого, просто профессия у них такая — лопать, да сало нагуливать. А все остальные так и не очень чтобы.

Это я к тому, что некий человек сиднем сидит на диете, после шести не ест ничего, а его все равно прет и прет, в ширину. Вот интересно, а почему в

высоту не прет? Наверное для того, чтобы это понять, надо приехать в деревню и понаблюдать хотя бы за той же коровой. Вот корова, с раннего утра и до позднего вечера только и делает что ест и ест. Ну и что, что она не ест колбасу и конфеты с печеньями, она траву ест, зато много и однако не поправляется. Ходит по лужайке, пасется. Полежит, попережёвывает и опять пошла травку щипать, одним словом, движется мало, а не толстеет. Наверное все дело в том, что мало кто видел психующую корову, а если и видел, то сколько раз? Это не потому, что она по природе своей вся такая флегматичная и спокойная, а потому, что в деревне живет.

После просмотра интересных и не очень кинофильмов и всяких там телепередач, ложатся спать и ее основные жители — люди. Потому что дел за день, даже если особо ничего особо и не делать, переделано много. А назавтра опять предстоят дела, которым нет ни числа, ни счету.

Последними в деревне наверное засыпают собаки. Но они сначала проводят что-то наподобие переключки между собой а может быть о проделанной работе за день друг перед другом отчитываются. А может быть есть промеж них кто-то старший и они ему докладывают. Потом все вместе, наверное, это обсуждают и обговаривают планы на завтра.

Эдак залает одна собака, а вслед ей другая, и так покуда все не примут участия в «беседе». После этого затишье, гавкнула какая-то одна, но никто не поддержал — может быть «решающее слово высказала», а может какую-нибудь глупость сморозила. Опять где-то залаял некий Шарик и все началось по новой, все, неизвестно, поддержали или опровергли сказанное, но в разговоре поучаствовали. Но затихают и они, предпочитая радости от общения, свои, собачьи сны. И лишь одинокий, а от того наверное и громко урчащий автомобиль, изредка нарушит мирный покой спящей деревни. Никаких тебе пьяных компаний, кричащих и горланящих песни, проституток, пытающихся своей якобы красотой достучатся до сердец прохожих и проезжих, полицейских в машинах и без, следящих за тем чтобы вся эта публика не слишком уж буянила и хулиганила.

Не важно, как ведет себя в деревне ночью время — бежит, течет или вообще ползет по-пластунски, но наступает момент, когда надо потихоньку-полегоньку просыпаться. Первыми, по неизвестной причине, это делают петухи. Может быть потому, что будильник в них «не выключается», а может бы потому, что все как один вредные такие, что еще задолго до зари начинают кричать-кукарекать. А может и правда то, что они нечистую силу так пугают? Хотя с другой стороны,

если бы они ее на самом деле пугали и отгоняли, то орали бы всю ночь напролет, с вечера. А так получается, что петухи с нечистой силой за одно — предупреждают, мол, скоро солнышко выглянет, выше время вышло, одним словом, на шухере стоят.

Чуть засветлело на востоке и просыпаются: цыпочки, ути-ути, октябренковы собраты и сам Октябренок. Просыпаются обитатели деревенских сараюшек и дворов. Им предстоит очередной день до краев наполненный смыслом, в смысле найти что-нибудь съедобное и слопать, или склевать. Все это помимо того что хозяева дадут, а то что дадут, так это обязательно.

Дядя Саша проснулся легко, впрочем он всегда просыпался легко, без липкой сонливости и как следствие, разных нехороших мыслей по поводу жизни вообще. Сходив «до витру», как ни крути, а это первое дело из ежедневного перечня дел и делишек. Затем, в это конечно можно не верить и списать на то что я вру, дядя Саша сделал зарядку, которую делал каждое утро на протяжении многих лет. Оно конечно звучит неправдоподобно, потому как даже в городах с их продвинутым уровнем жизни, зарядка явление не то чтобы архаичное или непопулярное, а просто редко встречающееся. Чего уж там говорить о какой-то деревне где, как думают, а иногда даже и вслух

говорят, некоторые с ног до головы городские жители, мол, жители деревень, до сих пор уверены, что стиральная машина, это разновидность телевизора такая. И тем не менее, дядя Саша зарядку делал, не какую-нибудь там сложную, а вполне обычную, состоящую из гимнастических упражнений известных практически всем без исключения наверное оттого и редко используемых, мол, а зачем, и так известно, что это такое, а потому одного знания о них для сохранения жизненного тонуса и хорошей физической формы, вполне достаточно.

Когда с «отголосками большого спорта» было покончено, дядя Саша занялся тем, чем занимался каждый день, не смотря на погоду и вообще ни на что — принялся кормить домашнюю живность. Первыми, так сказать, в очереди за завтраком были куры, они всегда были первыми, неверное потому, что быстро бегали. Большого внимания к себе куры не требовали, достаточно было насыпать им зерна или той же ячневой крупы, налить в старенькую миску водички и дело сделано, куры народ неприхотливый да и было их всего-то, с десятков. Несколько сложнее обстояло дело с Октябренок, но процедура была отработана и доведена до автоматизма и особых затруднений тоже не вызывала. Заранее сваренную картошку надо было залить водой, добавить комбикорм,

растолочь-перемешать все это и поросячий завтрак готов. Единственное отличие было в том, что количество этого «завтрака» было весьма внушительным — целый тазик. Но учитывая образ жизни Октябренька и его дальнейшую судьбу, вполне оправданным и нареканий не вызывало. Ну и по остаточному принципу, остаточному не потому, что досталось то, что осталось, а потому, что он всегда последний в этой очереди, был накормлен Ботаник. Ботаник был существом неприхотливым, похрумкал тем же комбикормом, попил водички и остался вполне доволен. Впереди был целый день, а травы вокруг видимо-невидимо, да и столь любимые газеты попадаются довольно-таки часто. Покончив с кормлением, или как это можно назвать правильно по животноводческой науке, дядя Саша отправился сам позавтракать — чаю попить, поесть чего-нибудь.

А вот с этого момента надо бы поподробнее, но я даже не знаю как и подступиться. При всей своей буйной фантазии и способности врать практически на любую тему, представшая перед дядей Сашей картина выглядела, даже не знаю как она выглядела. А уж что в этот момент почувствовал дядя Саша, он сам объяснить так и не смог.

На противене, вместо оставленного с вечера и

накрытого салфеткой каравая, лежало что-то непонятное и на каравай совсем непохожее. Было такое впечатление, что каравай ни с того ни с сего вдруг вырос, а вернее будет сказать, изменил форму, превратившись в нечто напоминающее мячик.

Дядя Саша снял салфетку и увидел в общем-то тот же каравай, только идеально круглой формы, размером с небольшую дыню. Непонятным было только то, как он сюда попал или же, как сумел из обычного каравая превратиться в этакий «футбольный мячик?» То, что это могло быть чьей-то шуткой, ну хотя бы того же Ванюни, говоря казенным языком, не выдерживало никакой критики. Да и не заходил вчера Ванюня в дом, а кроме него, у дяди Саши из гостей вчера вообще никого не было. Да это надо еще умудриться, испечь хлеб такой формы. Вряд ли тесто смогло бы сохраниться в виде шара и не растечься, ну разве что-то круглое тестом обмазать и запечь или же существуют какие-то сверхзасекреченные дрожжи, вот их и сыпанули. Да, но пирожки то получились вполне нормальными, такими, какими им и положено быть. Дядя Саша посмотрел на лежащие рядом пирожки, пирожки как пирожки, ничего необычного. По цвету они были одинаковыми с «шаром», да и с чего им отличаться, если были сделаны из одного теста? Значит и по вкусу не

должны отличаться, ну разве что без начинки. Стоп! Самогонка! Вчера дядя Саша, по совету Ванюни, добавил в тесто немного самогонки. Добавил так, не то чтобы для вкуса, а скорее всего смеха ради. Наверное самогонка и сработала, да еще как сработала!

Познавшие на собственном опыте мужики, нет, не Ванюня, рассказывали, как выглядит и как происходит белая горячка, поэтому, что это такое дядя Саша себе более-менее представлял, хоть на себе никогда и не испытывал. Дядя Саша был человеком не робкого десятка, но о чае и хлебе с маслом, забыл напрочь.

«Наверное так выглядит белая горячка помноженная на старческий маразм. — подумал дядя Саша, тем более, что возраст позволял сделать такое предположение, а другие причины появления наблюдаемого им каравая в виде шара в голову почему-то не приходили».

— Никакая я не белая горячка и не маразм какой-то. — слегка мультяшный голос исходил из шарокаравая, а на дядю Сашу смотрели два, как бусинки, глаза. Рот тоже был и какой-то ненастоящий, а как бы приклеенный.

— Ты что же, мало того, что говорить умеешь, еще и мысли мои читаешь? — уже ничему не удивляясь спросил дядя Саша.

— Что тут такого? Вон, твой Ботаник

говорить умеет, а я чем хуже? А мысли твои я слышу только тогда, когда ты обо мне думаешь, а больше никак.

— А тогда Ботаника откуда знаешь?

— В окно увидел, когда ты ему поесть давал.

— А сам-то чем питаешься, вернее, питаться будешь?

— Ничем. Да оно мне и ни к чему, я же сам целиком из еды состою. Надеюсь, дядь Саш, ты меня съест не собираешься?

— Да какой там съест. Наверное надо будет на телевидение позвонить, чтобы фильм про тебя сняли и показали по всем каналам, во шума да крика то будет. Или за деньги показывать, денег заработаю.

— Не надо про меня фильм снимать. Все равно никто не поверит, скажут что это все обман и специально подстроено. А за деньги показывать, так меня быстренько у тебя украдут и останешься ты с тем с чем был — с курицами, Октябренком и Ботаником. Ты же про Ботаника телевидению не рассказывал, а то бы враз умыкнули бы твоего Ботаника. А я тебе пригожусь, вот увидишь. — говорящий круглой формы хлеб говорил это на полном серьезе так, что сомневаться в разумности его доводов не приходилось.

Еще дядя Саша подумал, если в деревне станет известно о том, что помимо говорящего

козла у него еще и говорящий хлеб появился, то беды не миновать. То, что деревня в одночасье сойдет с ума, это еще полбеды. А вдруг как тоже в надежде, что получится, начнут печь хлеб замешанный на самогонке, тогда что? И если не у всех, а хотя бы у кого-то одного получится тоже самое, вот тогда точно, скандальной известности дяде Саше не миновать и придется от греха подальше уезжать из деревни как раз туда, куда подальше, а этого-то делать не хочется. Поэтому дядя Саша и решил, никому об этом не рассказывать, даже Ванюне.

— Надо бы тебя как-то назвать, а то без имени жить неудобно. — дядя Саша все-таки вспомнил про завтрак и поставил на плиту чайник.

— Есть у меня имя. Колобком и зови, другое мне без надобности.

— Это что же получается, ты из сказки что-ли?

— Ну, сказка не сказка, это вы, люди, промеж себя всякого понапридумывали. На самом деле не бывает никаких сказок. Бывает жизнь, которая людям не видна. Слышали о ней что-то да не видели, вот сказкой и назвали.

— Ну и ладно, нет сказок, значит нет, я уже ничему удивляться не смогу, доконал ты меня, Колобок, своим появлением.

— Удивишься или не удивишься, это мы еще

посмотрим. А вообще-то правильно, чем спокойнее относишься к происходящему, даже как вы говорите, сказочному, и принимаешь его, тем для тебя же лучше.

— Ну и чем же ты собираешься заниматься, чудеса всякие делать будешь?

— Никакие чудеса делать я не буду, потому что делать их не умею, и никто не умеет, они сами собой происходят, так сказать, по собственному хотению.

— Ну тогда ладно, а пока надо чайку попить да «собратьев» твоих поесть покуда не зачерствели. А ты зачерствеешь, или так и останешься свежим? — дядя Саша налил себе чая, добавил две ложки сахара и принялся размешивать.

— Никакие они мне не братья. Они сами по себе а я сам по себе. У них век короткий, а у меня длинный. Да и не полагается нам, Колобкам, быть черствыми.

— Так стало быть ты не один такой? Интересно, и много вас?

— Много не много, не скажу, потому что не знаю, но то что не один я такой — знаю точно.

— Ну хоть в нашей деревне ты один такой?

— В деревне один.

— И на том спасибо.

Дядя Саша принялся за завтрак, а Колобок ловко повернувшись вокруг собственной оси,

принялся наблюдать за происходящим во дворе. Во дворе ничего интересного не происходило: куры копались в своем загоне ограничивающим их желание попасть на огород, а в остальном больше не происходило ничего. Разве что галки, сидевшие на ветках деревьев и на заборе, высматривали, чтобы такое съедобное или несъедобное украсть, а больше никого и не было. Ботаник наверное уже отправился в свой ежедневный поход за свежей, и не очень, прессой.

Дядя Саша покончил с завтраком, сполоснул чашку и причел напротив Колобка:

— Может тебе телевизор включить? Во дворе ты много не увидишь.

— Не надо мне телевизор, в нем все не настоящее, а во дворе настоящее.

— Как это не настоящее? Людей всяких там показывают, животных, города разные. — удивился дядя Саша.

— В телевизоре показывают то, что хотят показать, а если смотришь без телевизора, видишь то, что хочешь видеть. — Колобок на удивление ловко опять повернулся вокруг собственной оси и смотрел на дядю Сашу своими одновременно смешными и серьезными глазками.

— Мудрено ты как-то говоришь, Колобок.

— И ничего мудреного нет. Это ты мудрено понимаешь, отсюда и все ваши проблемы

человеческие, которые на самом деле никакие не проблемы.

— Ладно, не умничай. Сам говоришь, что проще надо быть. А вот скажи, тот Колобок, ну который из сказки, — дядя Саша слегка замялся подбирая нужные слова. — ну про которого все знают, его что, и вправду лиса съела?

— Вранье. Говорю же тебе, слышали краем уха, мол, что-то такое было, а что дальше, не знают, вот и придумали. Ты сам посуди, как лиса могла бы его проглотить, у нее что, клюв как у пеликана? Она бы, в лучшем случае, подавилась.

— Вообще-то да, я как-то и не подумал. Ладно Колобок, ты побудь тут, на двор посмотри, коль тебе так интересно, а я пойду по хозяйству. Надо огород полить, вчера еще собирался, да Ванюня в гости пришел.

— Сегодня он не придет, он в город собирается ехать.

— А ты то откуда знаешь?

— Просто знаю и все. Долго объяснять.

— Ну пошел я, не скучай. Приду, поговорим. Во дела! То словом перемолвится было не с кем, а то полный дом собеседников!

— А говорил, что удивляться уже не можешь...

— Да это я так, ладно, пошел я. — дядя Саша отправился по своим делам, а Колобок,

развернувшись, опять стал наблюдать за происходящим во дворе.

* * *

Хлопоты по хозяйству примечательны тем, что никогда не заканчиваются. Стоит заняться каким-либо делом, как практически сразу вспоминается то, что хотел сделать да забыл или глаза подсказывают, вон мол, дрова неправильно лежат или еще нечто подобное. Вот и верь после этого поговорке, что глаза боятся. Ничего они не боятся, делать то не им, а рукам! Прямо предатели какие-то лени-матушке, служители. Так и проходит день, одно цепляется за другое. Вроде-бы и аврала никакого нет, а целый день чем-то занят.

Так и дядя Саша, собравшись, еще вчера, полить огород и начав его поливать, может даже и сам того не желая, наметил для себя фронт работ на день, не иначе как, глаза помогли.

Вот ведь какая штука получается: если всех дел все равно не переделать, то тогда зачем их делать вообще? А с другой стороны, если ничего не делать, то не то, чтобы грязью все зарастет, не в этом дело, а дело в том, что душа в этом случае как бы не на месте. Опять не то! Эх, знать бы, где же ты — «золотая серединка»?

Так что, дядя Саша был занят тем, что, начав

поливать огород, практически на весь день, ну разве что за исключением небольших перерывов на отдых, оказался потерян для общества. Общество тоже не предавалось лени, и праздности: Ванюня собирался в город, Ботаник в поисках пищи для ума и желудка, вернее будет сказать: газет и прочих полиграфических чудес, обследовал деревню и ее окрестности, ну а вновь, в прямом смысле этого слова, испеченный член общества — Колобок наблюдал за происходящим во дворе. Иными словами, все были заняты, все были при деле.

Вот ведь какая странная штука жизнь. Наверное этой странностью, она и примечательна для бездельников. Живет и живет себе человек: на работу ходит, детей воспитывает, с женой бывает, что, ругается, а бывает, что, нет — живут душа в душу. Такое происходит сплошь и рядом и давным-давно уже никого не удивляет.

Удивляют же события необычные и непривычные, а вернее, редко происходящие или происходящие в единичных случаях, так сказать, штучный товар. Ну например, нашел на улице монетку в десять копеек — ничего удивительного. Сам не удивился и никого этим не удивил. А вот если нашел на той же улице тысяч, этак, двадцать, рублей! Тогда да. Тогда сам удивился, и всех, кто узнал об этом, удивил. Дело не в том, что кто-то

позавидовал, а кто-то нет, дело в другом. Десять копеек гораздо проще найти на улице, чем двадцать тысяч, вернее, шансов больше. Ну или в какую-нибудь лотерею много денег выиграть: проиграть, так вообще, запросто! Выиграть рублей сто — более-менее обычное дело. а вот миллиона два-три — даже не знаю с чем и сравнить...

Дело то не в деньгах и не в джек-потах, хотя без денег тоже никуда, нужны они. С ними, с деньгами, как раз все понятно. Каждый знает, что это такое.

Другое дело с чудесами. Если верить Колобку, то никаких чудес вовсе и не бывает, а бывают события, которые происходят до того редко, что люди если и назвали о них, но забыли, а потому и назвали, чудесами.

Тот же, никому неизвестный старик, поймавший Золотую рыбку, согласитесь такое не каждый день бывает.

Или нырнул мальчишка в самой обыкновенной речке, хоть и называется она Москва-река, и вытащил кувшин. А в нем аж сам Старик Хоттабыч, джинн, самый настоящий. А бывает, что и кирпич на голову с крыши упадет, хотя, крыша покрыта железом и никаких кирпичей там отродясь не было. А этот бац, и упал.

Если к упавшим на головы кирпичам отношение у людей двоякое: на свою голову

«поймал» — мягко говоря, отрицательное, а если на какую-то чужую, то бывает, что и, приятно.

Отношение к чудесам несколько отличается. Разумеется, человек, заполучивший ту же Золотую рыбку или джинна, будет рад этому, хоть и не сразу сообразит, что с ними делать. Но он вряд ли побежит рассказывать знакомым и незнакомым людям о счастье его посетившем, все будет происходить втихаря.

Вот и Колобок сказал дяде Саше, мол, не говори никому, что я у тебя появился, ни к чему хорошему это не приведет. Так вот, об обладателях таких чудес становится известно гораздо и гораздо позже, когда все, что было нужно их обладателям, уже сделано и повлиять на произошедшее, уже невозможно. Вот так наверное и появляются на свет сказки: что-то, когда-то произошло, но, известно об этом стало много лет, а то и сотен лет, спустя. Потому, узнав о них, наверное, дабы успокоить себя и не расстраиваться за зря, называют такие события сказками.

Может быть о чудесах становится известно гораздо позже еще и потому, что непонятно, по какому принципу они распределяются. Почему именно этот старик поймал Золотую рыбку, а не другой и точно такая же ситуация с кувшином, в котором джинн оказался?

Если посмотреть на этих счастливицков, а

вернее, прочитать о них, то ничего такого примечательного и вовсе нет, люди как люди. Интересно, по какому принципу они, эти чудеса, распределяются между людьми?

Одному все, ну или почти все, чего ни пожелает, а другому ничего, сколько он не старается. Наверное это можно сравнить с музыкальным слухом: у кого-то он есть и даден неизвестно за что, а второй его напрочь лишен хоть и любит петь. Иногда даже таким людям говорят: «Делай что хочешь, только не пой.» Но они продолжают петь, и приходится не то, чтобы слушать, а слышать их пение. Интересно, а вот медведи на уши «наступают» по просьбам, так сказать желающих, или же исключительно по собственной инициативе? Наверное, как и в случае с чудесами, по собственной. Чудес желают все и любят их все. Но просят о них не все, а их обладателями, так вообще, становятся единицы.

Так и в случае с дядей Сашей. Живет себе мужик и живет, и вроде бы всем доволен и ничего ему больше-то не надо. Конечно, что-то, разумеется, надо еще, но он предпочитает об этом молчать и хранить в себе, а не кричать о своих желаниях день-деньской. И вот непонятно, почему и тем более, непонятно, за что, появляется у дяди Саши говорящий козел Ботаник, а теперь еще и Колобок. Ну вот как это назвать, если не чудом?

Конечно, чудеса — штука хоть и редкая, но хорошая. Но, чтобы, как в дядисашином случае, два чуда в одни руки, это перебор!

Наверное там, у них, у тех, кто эти чудеса среди людей распределяет, что-то сломалось и пошло не так. А может быть и туда коррупция проникла, хотя что-то не похож дядя Саша на коррупционера. Вот она, неизвестно насколько суровая, реальность и ничего не попишешь. Приходится мириться и принимать ее такой, какая она есть.

* * *

Время течет, день продолжается. Дядя Саша, покончив с поливкой огорода, принялся что-то пилить и строгать, не иначе глаза подсказали, что без этой отпиленной и обструганной деревяшки в хозяйстве никак, а Колобок продолжал наблюдать за тем, что происходило во дворе. Может быть он не особо то и наблюдал, а просто думал о чем-то о своем только ему известном, все может быть.

— А, появился! Где шлялся то? — дядя Саша отвлекся на появившегося Ботаника, который через персональный лаз в заборе, прошел во двор и теперь пил воду из куриного тазика. — Где был, спрашиваю?

— Ходил дядя Саша, питался. Комбикорм

штука вкусная, но подозрительная. А вдруг там ГМО какое есть? Так и в скорпиона недолго превратиться. — напившись воды ответил Ботаник.

— Опять какой-то ерунды начитался?

— Не, это я из твоего телевизора слышал. Ты передачу про еду смотрел, а звук включил громко, вот я и услышал.

— Ты и так уже превратился, что дальше некуда, — засмеялся дядя Саша. — Лучше иди, познакомься с новым жильцом. Ох, чует мое сердце споетесь вы с ним и тогда совсем не будет мне от вас покоя. Вон, на подоконнике, в кухне лежит, иди, поговори.

Ботаник отправился знакомиться и подойдя к окну кухни, вдруг неожиданно для самого себя, подобно той собаке, уселся на «пятую точку».

Вроде бы удивление не входило в число добродетелей Ботаника, но тем не менее, он был удивлен увидев шар, по цвету напоминающий свежеиспеченный хлеб и два глаза-бусинки смотревшие на него. Был еще рот, но по-первости, Ботаник не обратил на это внимания.

— Привет. Стало быть ты и есть Ботаник? — спросил Колобок.

— Стало быть и есть. А ты, то кто будешь? — слегка ошалев, но быстро приходя в свойственное ему грустно-философское расположение духа, ответил и спросил Ботаник.

— Колобок я, Колобок, может слышал?

— Так ты из сказки, что-ли?

— И этот туда же. Не из какой я не из сказки, из теста я. — усмехнулся Колобок. — А сам-то ты откуда такой говорящий, может это ты из сказки?

— Не, я из деревни. Говорят, это инопланетяне надо мной поработали, какая-ж это сказка.?

— Понятно, передовые технологии значит.

— Может и передовые, только один я здесь такой, остальные все, самые обыкновенные.

— Не переживай, и я тут один такой. А теперь, получается, что двое нас таких. Вместе, веселее будет. Слушай Ботаник, ты бы меня просветил, что за деревня, что здесь еще есть интересного, куда я хоть попал-то? Сидя на подоконнике, много не увидишь, а ты тут все знаешь, ходишь везде.

— А ты к нам надолго?

— Не знаю. Да и куда мне идти-то, тем более что и ног у меня нет?

— А как тогда передвигаться собираешься? Все равно ведь, куда-то, да пойдешь.

— Еще не знаю, придумаю что-нибудь. Давай сделаем так: как дядя Саша отойдет куда, ты мне все обо всем расскажешь, договорились? — подмигнул Колобок.

— Договорились. Обычно он после обеда

ложится отдохнуть на часик-другой, вот мы тогда с тобой и поговорим. А пока пойду я схожу на почту, там сейчас должны старые газеты выбрасывать, ты не скучай тут. — с этим Ботаник отправился к своему персональному входу-выходу в заборе, оставив Колобка в одиночестве.

Колобок смотрел на двор, смотрел и думал. О чем он думал и как думал, узнать не представляется возможным, и еще, теперь он ждал возвращения Ботаника. Колобку очень надо было знать, что происходит вокруг? Зачем ему это? Колобок, даже если и спросили, толком ответить не смог бы, просто ему это было надо.

Тени от деревьев и вообще от всего, что могло их отбрасывать, уменьшившись в размерах и, наконец-то, сообщили о том, что наступил или вот-вот наступит, полдень, и что пришло время обедать, а после этого, можно немного и отдохнуть.

Дядя Саша, отложив свои бесчисленные хозяйственные дела, отправился в дом, где умывшись, принялся разогревать обед:

— Ну ты как здесь, не заскучал? — спросил дядя Саша Колобка, доставая из холодильника то, чем собирался обедать.

— Нет. С Ботаником познакомился. Он на почту пошел, сейчас должен вернуться. Дядь Саш, а ты переставь меня на стол что под окном, Ботаник придет, мы с ним поговорим о том, о сем, ну чтобы

тебе не мешать, — попросил Колобок.

— Ага, все-таки снюхались, уже и секреты появились. А не боишься, что галки склюют?

— Не боюсь, я слово заветное знаю. Так поставишь меня на тот стол?

— Поставлю, поставлю. Вот Ботаник придет и поставлю, а пока, поесть надо. — сказал дядя Саша, присаживаясь за стол, на котором помимо огурцов-помидоров уже стояла довольно-таки приличная миска с дымящимся борщом.

Покончив с обедом, дядя Саша переложил Колобка на блюдо. На ощупь, Колобок оказался больше похож не на свежий хлеб, а скорее, на каучуковый мяч, но дядя Саша уже ничему не удивлялся. Вынес во двор, и поставил блюдо с Колобком на стол:

— Ну сиди, дожидайся своего дружка, раз галок не боишься, а я пойду подремлю часок, все-таки с утра на ногах.

Стоит сказать, что галки на Колобка не обратили никакого внимания, так что агрессия с их стороны ему не угрожала, Колобку больше ничего не оставалось делать, как лицезреть двор в ожидании возвращения Ботаника, который не заставил себя долго ждать и предстал перед Колобком во всей красе и с клочком газеты во рту. Видимо он так торопился, что второе действие — поедание прессы, проделывал на ходу, да немного

не успел.

— Дочитываешь или дожевываешь? — ехидно спросил Колобок.

— Дожевываю. А в газете ничего интересного не было, так, ерунда всякая. — как ни в чем не бывало, ответил Ботаник. — А ты как здесь оказался, сам что-ли перепрыгнул?

— Не, дядю Сашу попросил. Он вздремнуть отправился, вот я и попросил его вынести меня сюда, ну что бы мы, с тобой, ему своими разговорами не мешали.

— Тоже верно. Так что тебе рассказать-то?

— Ну как что? Ну вообще. Где мы есть, что вокруг нас находится ну и так далее...

— Ну если вообще, тогда слушай. — и Ботаник начал рассказывать о том, что для него интереса уже не представляло, а потому было скучными вещами.

* * *

Ботаник принялся рассказывать, и начал с того, что рассказал о дяде Саше, кто он и что за человек. Из его рассказа выходило, дядя Саша мужик нормальный, по мелочам не придирается и уж тем более не наказывает. Ботаник вспомнил свою алкогольную эпопею, но решил о ней умолчать.

Дядя Саша — мужик одинокий, вдовец. Дети живут в городе и приезжают редко, а сам он в город ездит еще реже, говорит, что нечего там делать. А на самом деле, скучно ему, потому что один. Иногда заходит в гости сосед, Ванюня. Но тот заходит всегда с самогонкой и они выпивают. А вообще-то дядя Саша к выпивке не расположенный, если и пьет, то знает меру да и бывает это нечасто.

— А вообще-то дядя Саша хочет жениться. — продолжал Ботаник — Ну не то, чтобы так, как это у молодежи происходит: автомобили там всякие, свадьбы, танцы. Он хочет найти себе женщину хорошую и скромную, ну чтобы вдвоем веселее было, а где ее найти, не знает. Он конечно об этом никому не говорит, но я вижу, что хочет. По хозяйству-то он и сам справляется, крепкий еще мужик. Ему просто скучно одному, вот какие дела.

— Ну а ты на что? — спросил Колобок.

— А что я? Я же не женщина и вообще, не человек. У меня все совсем по- другому, никак у людей.

— Понятно. Ну а что тут еще интересного есть?

А интересного, по словам Ботаника и на самом деле, здесь больше ничего не было. Деревня как деревня, пусть и не лучше, но и не хуже других, таких же. Народ живет в общем-то хороший, только уж больно любопытный до чужой жизни. Наверное

это потому, что в деревне очень много пенсионеров, а им целый день заняться нечем, вот они и занимаются таким вот, следопытством.

Еще недалеко есть город, пусть и небольшой, но все-таки город. Деревенские, те кто помоложе, там работают. Но Ботаник в городе ни разу не был и что там происходит знает только понаслышке. Говорят, что там много больших домов, много разных машин и людей очень много.

Но видимо Колобку это было не особенно интересно, и он продолжал допытываться у Ботаника, что здесь еще есть?

А еще здесь, помимо полей, на которых когда-то выращивали хлеб, картошку, рапс и другие полезные для местных и неместных жителей растения, и полей на которых испокон веку кроме бурьяна, вообще ничего не выращивали, есть лес, очень большой лес. Даже как-то язык не поворачивается называть его просто лесом, потому что это — Лес. Начинается он сразу же за полем, что за деревней, а вот где заканчивается, Ботаник не знает. Говорят, тянется он аж до какого-то другого большого города, а тот, где-то далеко.

* * *

Лес действительно большой и на первый взгляд совсем обычный, но это только на первый

взгляд. Внимательный человек, побывав в том лесу, обратит внимание казалось бы на такую мелочь, как отсутствие мусора в нем. Чего греха таить, любит современный человек разбрасывать разные бумажки, целлофановые пакеты, пустые пачки из-под сигарет, бутылки, там, где появляется хотя бы на короткое время или проходит-проезжает мимо.

В той же деревне, главная достопримечательность — не автосервис или новый магазин, а разноцветные бумажки, пакеты и бутылки, которые в большом количестве валяются вдоль дорог и под заборами. и это при всем при том, что урны для этого самого мусора, хоть и не везде но есть, поставлены. И что интересно, дома-то не разбрасывают все подряд где ни попадя, а на улице — прямо как доблестью считается, бросить пустую пивную бутылку или банку не в урну, а в траву. А может быть так жители показывают свои гастрономические пристрастия, и вообще, какие они состоятельные.

А в Лесу этого нет, и не то, чтобы есть но, мало, а нет вообще. Даже больше того. Любит наш народ отдохнуть на природе, шашлыки пожарить, да и просто прихватив с собой всякой вкусной еды и выпивки, съесть и выпить это все на свежем воздухе.

Что оставляют после себя такие туристы

знают все, хотя бы потому, что многие из знающих это сами мусор и оставляют. А в лесу дворников нет, не предусмотрены они по лесному штату. Вот и копят годами, тем самым проживая долгую жизнь, обертки и бутылки, изначально жизнь которым предусмотрена короткая, до ближайшей урны. Убирать тот мусор в лесу некому, а сам он оттуда уйти не может. Вот и лежит, природой любуется.

Так вот, в Лесу этого нет вообще. Стоит он таким, каким наверное был и сто, и тысячу лет назад: без мусора, весь из деревьев, кустов и травы. И что по нынешним временам странно, пусть люди и не жарят там шашлыки, но за грибами, орехами и ягодами ходят, но почему-то не мусорят. Кстати, грибов и прочего в том Лесу, полным-полно и когда приходит пора, в Лес приходит и приезжает уйма народа, собирает это все, и все остаются довольными. Опять же, даже местные старожилы не могут припомнить, чтобы кто-то в лесу заблудился или вообще, пропал. Бывает конечно, что кто-то перепутает лево и право и поблукает немного, но, в конце концов, дорогу домой или к своему автомобилю, обязательно находит.

Такое впечатление, что Лес, он как бы живет сам по себе. Сам себя охраняет и бережет от того, что для него чуждо и не является его частью. Можно даже сказать, Лес не принимает, пусть и

якобы красивое, но неживое, а мусор, живым не бывает.

Приблизительно это рассказал Ботаник Колобку о главной, по его мнению, местной достопримечательности:

— Я хоть в том лесу и ни разу не был, но чувствую что там кто-то живет. — продолжал Ботаник.

— Понятно кто, звери лесные и живут. Где же им еще жить? А ты почему не был, волков боишься или потому, что там газет нету? — спросил Колобок.

— Волков я конечно боюсь, хоть никогда их и не видел, а газет мне и в деревне хватает. — не смутился Ботаник, — Здесь что-то другое, вернее, кто-то другой. Пару дней назад я видел как над лесом что-то необычное летало. На птицу непохоже, уж очень большие крылья для птицы, да самолеты так не летают, это я знаю, их много над деревней летает правда высоко, а этот низко, над самым лесом. Кружит, кружит, немного поднимется вверх и опять к деревьям, так над ними и летал. Правда летал недолго, а потом враз скрылся куда-то. И еще, у него было: то ли три головы, то ли три хвоста, а такого не бывает. Уж трех голов точно ни у кого не бывает, а если это три хвоста, тогда почему он вперед хвостами летал?

— Ну не знаю, не знаю, кто бы это мог

быть. — казалось, что Колобок был не менее Ботаника озадачен услышанным. Но это только казалось, с мимикой у него был полный порядок, то есть, почти никакая мимика на нем не просматривалась. — А сам-то что думаешь? Кто бы это мог быть, может Змей-Горыныч? Сам же говорил, что кто-то неизвестный в лесу живет!

— Да ну тебя, какой Змей-Горыныч, скажешь тоже! Если бы он в лесу жил, то его давно бы отловили и в зоопарк увезли. Хотя, с другой стороны, я читал что на Дальнем Востоке, в тайге, летающий человек живет, а поймать его никак не могут. Но там тайга, она больше, чем наш лес. — как-бы разговаривая с самим собой, ответил Ботаник. А сам, тем временем, подумал: конечно же это был Змей-Горыныч, как же он сам не догадался-то? Тогда все сходится, почему лес такой странный и почему у него чувства насчет этого леса такие.

— Ладно, не забивай себе голову всякой ерундой, мало ли что в жизни бывает непонятного? Надо бы в этот лес сходить, посмотреть что там и как. Пойдешь со мной?

— Да боязно как-то, иди уж лучше один, а потом расскажешь.

— Ладно. Действительно, так будет лучше. А ты тогда меня перед дядей Сашей выгородишь, скажешь, что пошел, ну, хотя-бы на разведку, что

любопытный очень. Да и неизвестно, что дядя Саша подумает, когда увидит, что оба исчезли. А так хоть один, да на месте.

— Договорились. Только надо дождаться, когда он в магазин пойдет. Если сегодня не пойдет, то завтра пойдет обязательно. Вот тогда и чеши в лес, а куда идти, я подскажу. — Ботаник был доволен тем, как разрешилась, казалось-бы, щекотливая ситуация.

Дело в том, что сходить в Лес он был вовсе не прочь, но идти пусть и не одному, в первый раз, было боязно. Другое дело, если Колобок сначала сам сходит, посмотрит, что там да как, а потом уж, если конечно вернется, можно будет и вдвоем сходить, интересно все же. На том и порешили.

Тут на пороге появился отдохнувший дядя Саша:

— Ну что близнецы сиамские, познакомились, наговорились? Ботаник, ты присмотри за ним тут, а я пойду, хозяйством надо заниматься. А ты, — дядя Саша посмотрел на Колобка. — если кто придет, сразу прыгай под стол и сиди там тихо, нечего на тебя другим пялиться.

Дядя Саша отправился к октябренковому хлеву, а Ботаник и Колобок продолжили свои разговоры, теперь, когда договоренность о походе в Лес была достигнута, разговоры велись как и обычно, когда больше и заняться-то нечем, обо

всем, и, ни о чем.

День, как ему и положено, следил за тем, чтобы все шло своим чередом. Дела, на долю которых выпало быть сегодня сделанными, делались, а те дела, которых эта участь сегодня миновала, откладывались на завтра или на послезавтра, или вообще, на когда-то потом. А вообще-то, день клонился к вечеру. Дядя Саша, покончив на сегодня с нескончаемым, забрал Колобка и унес его в дом, оставив Ботаника в одиночестве. Тот, в свою очередь, может и расстроился, но виду не показал, а отправился в очередной обход деревни, понятно в поисках чего.

Так что, можно считать, день благополучно заканчивался и практически уже закончился. Оставалось-то и делов — умыться, поужинать и включить телевизор, но это что касается дяди Саши. Колобок с Ботаником телевизор не смотрели, поэтому были полностью предоставлены сами себе и соответственно занимались сами собой.

А завтра, а завтра на то и завтра, потому что еще не наступило и видно будет, состоится ли поход Колобка в Лес? Наверное состоится, если состоится поход дяди Саши в магазин. Что ж, подождем и узнаем, как оно дальше будет...

IV

Утро наступило, и как всегда, было добрым. Об этом говорило то, что солнышко светило и до вечера не собиралось успокаиваться. Листья деревьев и трава, шелестя, переговаривались между собой на своем, только им понятном языке. Птицы рассказывали друг другу и еще неизвестно кому что-то тоже, свое, а Октябренок хрюкал и повизгивал, потому что хотел жрать.

Все начиналось как обычно по давным-давно заведенному кем-то порядку: проснуться, умыться, накормить, напоить, самому попить-поесть ну а дальнейший ход событий сам о себе заявит. Это если планов на день никаких нет, а они есть всегда, ну или почти всегда. Так что, жизнь продолжалась, потому что больше ничего делать не умела и не умеет. Стоило бы ей остановиться, как она тут же перестала ею быть. Но, видать, жизнь знала об этом, поэтому, останавливаться, во всяком случае сегодня, явно не собиралась. Так что, оставалось этому только радоваться и стараться от нее не отстать.

Ботаник уже отправился обследовать деревню и близлежащие поля на предмет поесть, куры и Октябренок, получив свое, до поры до времени успокоились и в хозяйстве дяди Саши наступили, если можно так сказать, мир и покой с утра, пораньше.

Колобок так и лежал, а может сидел, глядя на

него это трудно было определить, там где его вчера оставил дядя Саша. Спал ли он этой ночью и спал ли вообще, было непонятно.

— Ну и как тебе у нас? — спросил дядя, Саша принимаясь за оставшиеся пирожки и чай. — Понравилось?

— Нормально. Только скучно у вас. — отозвался Колобок.

— Ну тогда тебе надо на танцы или на рынок.

— А на рынок-то зачем?

— А там тоже много народу. Танцевать-то умеешь?

— Не знаю, не пробовал.

— А песни петь?

— Песни? Наверное умею.

— Вот и хорошо. Будем с тобой на пару петь.

Одному скучно, а у Ботаника слуха музыкального нету.

Дядя Саша, будучи обладателем сильного баритона, петь любил и знал много песен. В молодости он вообще был первым парнем на деревне: у него была гармошка, по тем временам — достояние немалое. Танцы-то танцами, но происходили они в деревенском клубе не каждый день, к тому же, строго, от сих до сих, в смысле, по времени, а души деревенской молодежи просила и требовали прекрасного — музыки, и тут Сашок был незаменим.

Конечно, были в деревне и другие гармонисты, но Сашок играл лучше всех, а пел, так вообще заслушаешься, потому и был среди молодежи, и особенно среди девчат, как бы сейчас сказали, суперзвездой, хоть в деревенском масштабе. К тому же, был он парень из себя высокий и стройный, одним словом, видный и симпатичный, да и матом при девушках не ругался, что тоже, было немаловажным. Молодость куда-то делась, а гармошка, песни и красивый голос остались, вот так вот.

— Хорошо дядь Саш, споем. Ты меня, как Ботаник вернется, поставь опять на стол во дворе, хорошо? А еще лучше, куда-нибудь в траву, мы с Ботаником вчера не договорили, ладно?

На самом деле, Колобок приступил к реализации задуманного им вчера плана и начал его просто мастерски, подсказав дяде Саше, как можно не привлекая к себе внимания, свободно разговаривать с Ботаником, а дяде Саше не переживать, что придет кто-нибудь, ну хотя бы тот же Ванюня, а на столе хлеб говорящий, с говорящим козлом беседуют.

Хорошо если Ванюня, тот мужик-то нормальный, а если кто другой, тогда что? Тогда всё, тогда все телевизоры и сериалы в них, будут забыты надолго. К тому же, практически всем жителям деревни пенсионерского возраста врачи

категорически рекомендуют не волноваться, это ведь тоже надо учитывать.

Дядя Саша оценил находчивость Колобка и удивился тому, как он сам до этого не додумался? Теперь можно будет спокойно оставлять его хоть на целый день, ну разве что дождь пойдет. Тогда конечно, надо будет в дом нести. А так, во дворе, да пусть делает что хочет. И голова не будет болеть, что вдруг кто-то случайно зайдет и увидит.

— О чем вчера с Ботаником-то говорили? — дядя Саша и вправду собирался сегодня сходить в магазин, купить хлеба и кое-что из продуктов, но время было ранее, магазин еще был закрыт, надо было подождать, да и поговорить с Колобком было все-таки интересно.

— Рассказывал мне как вы тут живете, про лес рассказывал, говорил что он очень большой и что грибов там много. — Колобок тоже был не прочь поговорить, но не совсем бесцельно, а так сказать, с неким умыслом.

— Да, лес у нас загляденье, и грибов там много. Я в прошлом году двадцать банок закатал и это не считая того, что засушил целый мешок. Да и так, с картошкой жарил, суп варил. Вот только рано еще за грибами идти. Сейчас если и найдешь, только сыроежки а от них толку никакого, переломаются все пока до дома донесешь.

Дядя Саша любил грибы и любил их собирать.

Опять же, для здоровья очень полезно по лесу ходить, свежим воздухом дышать. В деревне воздух конечно тоже чистый, но в лесу все-таки чище. Да и сам лес, в этом дядя Саша был уверен, он как бы сил прибавляет.

— Где-то через месячишко должны подосиновики, подберезовики пойти, вот тогда и надо собирать. А ближе к осени, тогда и белые грибы появятся, крепенькие такие, собирай да радуйся.

— Значит, дядь Саш, любишь в лес ходить?

— Люблю конечно, кто ж не любит? Бабки, и те вон, все в лес ходят. Грибы собирают. Бывает что идет, на палочку опирается, а туда же, в лес, за грибами.

— А много народу то в лес ходит?

— Ну когда белые пойдут тогда много, из города приезжают, машин у дороги, как за бензином раньше. Прямо через лес дорога проходит, вот они там и останавливаются. Говорят, что в старину по ней купцы ездили, старая дорога, хоть теперь и заасфальтированная вся. Как соберусь, я тебя с собой возьму, пойдешь?

— Пойду, только как я пойду я еще и ходить-то не пробовал, надо бы научиться.

— Ничего научишься. Вот покуда в траве сидеть будет и учишь — катайся или прыгай раз ног нет, глядишь, и научишься. А я тебя, когда пойдем,

в лукошко положу. А в лесу ты уж сам, там ходить быстро не надо.

Так, незаметно за разговором, подошло время когда магазин уже должен был открыться. Дядя Саша вынес Колобка во двор и положил его вместе с блюдом под яблоней:

— Как Ботаник придет ты оклики его, он, бездельник, только рад будет день-деньской языком молотить. А вот и он. Ботаник, иди сюда! — дядя Саша окликнул появившегося Ботаника. — Значит так, я пойду схожу в магазин, а ты остаешься за старшего. Разговаривайте тут и смотри за Колобком, чтобы он ненароком не укатился куда и чтобы не обидел кто. Понял?

— Понял, дядь Саш. — на этот раз Ботаник пришел без газеты во рту. Может не нашел ничего, а может прочел и съел не торопясь, потому что уже знал, Колобок будет его ждать.

Дядя Саша отправился собираться в магазин, а теперь уже почти неразлучные друзья остались вдвоем.

— Привет Колобок, как ты? — Ботаник улегся рядом.

— Привет. Нормально. Слушай, а дядя Саша в магазин подолгу ходит, успеет? — Колобок не знал где этот магазин находится и боялся, что может не успеть до прихода дяди Саши отправиться в лес, где ему хотелось побывать все больше и больше.

— Не волнуйся. Часа два, как минимум. Это же надо со всеми, кто по дороге встретится, поговорить, а еще в магазине всегда народ толкается и все тоже поговорить любят. Так что не волнуйся, все мы успеем. А вот если увидит, что ты сбежал, тогда даже не знаю, что и делать. — Ботаник слегка опасался повторения антиалкогольной профилактики с стороны дяди Саши.

— А ты ничего не придумывай, скажи что в лес пошел, мол, уж очень ему захотелось посмотреть на него. И скажи, что обещал вернуться. Я и вправду вернусь, куда мне идти, сам подумай.

Окончательная договоренность была достигнута и оставалось только дожидаться того момента, когда дядя Саша уйдет в магазин ну и выждать немного на тот случай, вдруг забудет чего-нибудь, ну тот же кошелек, например.

Стоит сказать, что в деревне, наверное в любой, поход в магазин ну или же на почту, очень сильно отличается от того же самого, только в городе. В городе что, народу тьма-тьмушая, все куда-то идут, спешат. Невольно и сам попадаешь в этот, так сказать, поток и уже вынужден подчиняться его законам — спешить и не оглядываться по сторонам. Совсем другое дело в деревне. В отличии от города деревня никогда и никуда не спешит, у нее всегда много свободного

времени, а дела, даже если они и трижды неотложные, всегда могут подождать, если по дороге встретится односельчанин, которого давным-давно не видел — день, а то и два. Обязательно надо поговорить, причем поговорить не спеша, не так как в городе, на бегу и впопыхах. Обстоятельно и уважительно к собеседнику, которому интересно все, особенно то, что происходит у него под боком.

Но дело даже вовсе не в разговорах, дело несколько в другом. Вот взять тот же город Для того, чтобы обратить на себя внимание, надо пойти в театр, в ресторан, в кино или же в парк, на худой конец. Если пойдешь в тот же магазин, то внимание на тебя обратит, ну разве что знакомый, с которым не виделись не день-два, а месяца три, если не больше. Тогда да, тогда можно остановиться и поговорить, но опять же не так, как в деревне. Обычно в таких случаях разговор сводится к взаимным обещаниям созвониться и в ближайшие выходные выбраться куда-нибудь на природу, или еще куда. Обещания эти, как правило, так и остаются обещаниями, потому что дел много и переделать их все надо обязательно, что, впрочем, как и в деревне, редко удается сделать. Но отношение к этому в городе совсем другое, не такое, как у сельских жителей.

В деревне все совсем по другому. Нет там ни

театров, ни ресторанов, ни прочих значных и не значных мест, где можно показать себя во всей красе. Там есть магазин, почта есть, а больше ничего такого и нету. Поэтому тот же поход в деревенский магазин, для местного жителя, является как бы выходом на люди, потому что за забором тебя мало кто видит, чем ты там занимаешься и как выглядишь, а на улице видят все, кого видишь ты и кого не видишь. Вот и растягивается поход в магазин на час или на два, это уже зависит оттого, насколько интересны тебе односельчане, Но, не забывай, ты им интересен всегда. С тем поговорил, с тем, да и в магазине с продавщицей обязательно надо поговорить о том, о сем, а очередь, если она и есть, никогда не будет возмущаться. Всегда поддержит разговор или же, благодарно его выслушает. Это конечно же не говорит о том, что в деревне живут одни только сплетники и их хлебом не корми, дай только прожить чужую жизнь глядя на нее со стороны, вовсе нет. В деревне, в отличии от города, все друг друга знают, причем знают давно, иногда с детства, потому и разговаривают друг с другом, общаются. Да и не с кем больше говорить-то, других людей в деревне нет. Вот если городской житель задумается и посчитает вспоминать-подсчитывать, с каким количеством людей он общается ежедневно, то статистика будет явно не в его пользу. На самом

деле, общается он со знакомыми и незнакомыми людьми в подавляющем большинстве случаев, исключительно по работе и на работе, а так, чтобы без работы, просто так поговорить, этого в городе и в помине нет, а если и есть, то очень и очень мало.

Так что, дядя Саша пошел в магазин не только для того чтобы купить хлеба, макарон и еще чего-нибудь, но и затем, чтобы просто с людьми поговорить, а это в десять минут не помещается. Поэтому Колобок может быть спокоен и абсолютно уверен в том, что успеет незамеченным «смыться» в лес, а вот вернуться незамеченным, это уже вряд-ли, впрочем, он не особо-то и переживал на этот счет.

* * *

— Ну, пора! — это было сказано Ботаником с нотками торжественности и трагичности одновременно. Если-бы он добавил еще слово, «турыст», то получилось один в один, как в популярной кинокомедии. — Двигай в октябренковой сараюшке, вон она. За ней дырка в заборе, а дальше я покажу куда идти. Тебя подтолкнуть?

— Не надо, сам справлюсь. — ответил Колобок и подпрыгнул, как подпрыгивает мячик, упавший на землю.

Передвигался Колобок небольшими прыжками, а не катился как, наверное, принято считать, ну во всяком случае в отношении того Колобка, который из сказки. Прыжки были хоть и небольшими, но выверенными по направлению и Колобок быстро добрался до угла сарая. Затем, завернув за угол, перекатился через «ботаниковы ворота» и оказался за забором.

— Ловко ты, молодец. — одобрил Ботаник столь оригинальный способ передвижения своего товарища.

— Это я у воробьев подсмотрел. Они ходить-то не ходят, прыгают. Вот и я решил попробовать, нормально получается. — Казалось, Колобок не оценил похвалу. — Куда дальше-то идти?

— Нормально. Воробьи прыгают потому, что их предки жили исключительно на деревьях. — Ботаник не смог не показать свою начитанность и эрудицию. — Давай вон к той березе, видишь, корявая такая?

Деревня была как бы вытянута вдоль дороги, наверное благодаря ей, на свой, «деревенский свет» и появилась. Неведомо когда понравилось это место кому-то, и построил человек здесь дом. Дальше больше, другие желающие нашлись, так и появилась придорожная деревня, если ее можно так назвать. Она, деревня, была примечательна тем, что

большинство домов одновременно находились как бы в центре, то есть фасадом выходили на дорогу, и на окраине одновременно, потому что за домами других уже не было, они были и первым, и последним. Правда деревню пересекали три небольших улочки, но были они небольшими и недлинными, домов на пять в каждую сторону. Дом дяди Саши был четвертым от дороги по одной из этих улочек, так что, фактически находился на окраине и околица была здесь же, рядом.

Теперь Колобку предстояло пересечь небольшую рощицу, даже не рощицу, а скорее лесополосу, за которой начиналось поле, а уж за полем, лес.

— Здесь особо не торопись, тут мусора всякого много как бы не пораниться, а выйдешь в поле там нормально будет. — Ботаник шел рядом как бы оберегая Колобка и показывая направление одновременно.

Мусора действительно было много. Бумажки всех цветов и бутылки всех «калибров», чуть-ли не ковром застилали землю, но Колобок передвигался вполне сносно. Говорят, что аппетит приходит во время еды, а в случае с Колобком, опыт передвижения посредством прыжков, приходил к нему по мере движения. Они довольно-таки быстро и без затруднений пересекли лесополосу и вышли, пусть это слово будет применительно и к Колобку,

в поле.

— Теперь смотри. Видишь, вон тропинка начинается? — Ботаник показал головой. — Она как раз в лес ведет, по ней и прыгай, не заблудишься. Народ сейчас в лес почти не ходит, грибов еще нету, так что вряд-ли на кого нарвешься. Ну а если вдруг кто-то и встретится, сразу в траву откатывайся. — инструктировал Ботаник.

— Не учи ученого, соображу как-нибудь. — Колобок уже полностью освоился и всем своим видом (интересно, как он это умудрялся делать?) показывал свою самостоятельность.

— Да, перед закатом я приду сюда и буду тебя ждать. Если вдруг перепутаешь что, зови, я тут буду. Удачи тебе.

— Ладно, спасибо. Все будет нормально. Дяде Саше, если что, ты правду скажи, мол, пошел в лес, уж очень ему захотелось посмотреть, что это такое, никогда не видел. А к вечеру я вернусь и сам ему все объясню. Ну, я пошел. — и Колобок запрыгал в сторону тропинки.

— Хорошо, так и сделаю. — Ботаник еще постоял, посмотрел как Колобок, допрыгав до тропинки, скрылся среди травы. «Ловко прыгает. Себе что-ли попробовать?» — подумал Ботаник, но прыгать не стал, а принялся поедать близ растущую траву — и польза, и подождать все-таки надо, мало

ли что.

Колобок, тем временем, довольно-таки ловко и быстро продвигался по тропинке. Тропинка была почти прямой и если петляла, то совсем чуть-чуть, поэтому прыгать по ней Колобку было, наверное, одно удовольствие. Единственное, что не нравилось Колобку, так это то, что он мало что видел вокруг, только тропинку и траву вдоль нее. Для того, чтобы осмотреться вокруг, ему пришлось бы подпрыгнуть метра на полтора а то и на два, но Колобок решил пока этого не делать, тропинка, по словам Ботаника, и так приведет его в лес, а там видно будет, прыгать или не прыгать.

Так и прыгал Колобок по тропинке не обращая особого внимания на то, что его окружало, ну трава и трава, эка невидаль. Вот лес, это да, это совсем другое, там интересно. Но больше всего Колобку не давал покоя рассказ Ботаника о том, кто в лесу живет и людям не показывается. Почему-то думалось, Ботаник говорил не о лесных животных, эти-то, хоть изредка, да показываются на глаза, а о ком-то другом. Вот именно этот неведомый кто-то и манил Колобка в лес, не давал покоя. Зачем ему это было надо, Колобок и сам не знал, просто надо было и все, а то фиг бы он поперся неведомо куда. Сидел бы на тарелке и с Ботаником разговоры разговаривал — не жизнь, а сплошное удовольствие.

Между тем Ботаник выждал, как ему казалось, вполне достаточно времени, за которое Колобок вполне успел бы добраться до леса, а заодно и поднаевшись, отправился домой. Правда настроение у него было не ахти какое: с одной стороны он беспокоился за Колобка, все-таки один и в лесу, а с другой стороны, из головы не шел предстоящий разговор с дядей Сашей. Но делать было нечего, потому что поздно. Колобок, поди, уже к лесу подскакивает. Ладно, глядишь, пронесет...

Лес встретил Колобка наверное точно так же, как встречал и встречает любого в него входящего. Шумели деревья, пели, а вернее кричали, птицы, ну и, наличествовал прочий необъяснимый шум, присущий только лесу.

Каждый из нас хоть раз, но в лесу бывал, поэтому представляет себе, что это такое и попав туда, вновь особо не удивляется. Другое дело, конечно если, например, попасть куда-нибудь в джунгли. Там да, там есть чему удивиться, потому что все не так как у нас — деревья другие, птицы другие и щебечут по другому. Обезьяны орут и лианы всякие, короче, только успевай что рот раскрывать, от удивления, и ахать. А у нас что, у нас все как обычно.

Наверное для того, чтобы более-менее понять каким Колобок увидел лес, надо самому туда

прийти, лечь на живот, прямо на землю, и посмотреть вокруг. Мы-то видим окружающее, и лес в том числе, с высоты полутора-двух метров, то есть с высоты собственного роста, ну, минус сантиметров десять, глаза-то не на макушке же находятся... А в Колобке всего роста, а вернее диаметра, было сантиметров двадцать, опять же минус сколько-то там сантиметров на расположение глаз. Вот и представляйте, каким он увидел лес.

Мусора вокруг не было, но было много опавшей и превращающейся в удобрения листвы: каких-то палочек, веточек и прочего вроде бы и не мусора, но и не растительности. Наверное так и выглядят продукты жизнедеятельности леса, так сказать, в чистом виде, без участия человека. Была конечно трава, но не такая как в поле. Были кусты и молодые деревца — лесовы дети, а над всем этим, где-то там, высоко вверху, даже слова не могу придумать что они делали, располагались, наверное, кроны деревьев и наблюдали за происходящим внизу и вокруг. Деревья Колобку казались очень большими и было их много что даже как-то непривычно.

Тропинка не исчезла, а стала как бы менее заметной, но Колобок решил с нее не сворачивать, авось куда-нибудь да приведет. Кроме того, Колобок подумал, по тропинке легче будет

вернуться домой, к дяде Саше, а встретит он здесь кого-нибудь или не встретит, еще неизвестно. Справедливо решив, что на окраине леса вряд ли кто живет и вряд ли можно увидеть что-то интересное, Колобок запрыгал дальше, углубляясь в лес, приглядываясь и прислушиваясь к происходящему вокруг.

* * *

Заяц с Медведем расположились под деревом. Погода и обстановка вообще, благоприятствовали, поэтому и решили устроить себе, так сказать, небольшой культурный отдых. Они были исконными и коренными лесными жителями, людей видели не часто и не общались с ними, а если видели, то только издали. Ну а уж в деревнях и тем более городах, отродясь не бывали. Да и нечего им там было делать-то, лес давал им что поесть и был домом, причем домом в самом широком смысле этого слова, а не в виде какого-то отдельно стоящего строения а то и вообще, квартиры.

Это в сказках да анекдотах зайцы на огородах капусту воруют, а медведи телят в лес утаскивают. Вранье! Это все люди придумали! Сами стырят ту же капусту или же теленка, а потом на зверей лесных сваливают.

Правда Мишке на зиму приходилось

определяться с берлогой, но и в решении этого вопроса он предпочитал разнообразие, а не был приверженцем какого-то одного, раз и навсегда определенного места. А Заяц, у Зайца с этим проблем вообще не было. У него дом был под каждым кустом, даже не дом, а палаты царские с апартаментами, правда, слов этих Заяц не знал.

В общем, решили Заяц с Медведем отдохнуть, а вернее будет сказать, выпить. Оказывается, лесным обитателям не чужды человеческие пороки, в плане: выпить, захмелеть и поговорить по душам. Да что там греха таить, и случай с Ботаником тому яркий пример, домашним животным, тоже, только дай попробовать и на себе испытать все блаженство, начиная с приподнятого настроения и заканчивая тяжелым похмельем, за уши потом не оттянешь. Но домашних животных хозяева держат в строгости и трезвости, а вот лесным зверям хозяев нет, не положено им иметь хозяев, значит и указа пить или не пить им нет никакого, ну или почти нет. А может быть, ну если уж все, и люди и животные так любят и не прочь выпить, не какой это вовсе и не порок, а что-то другое? Может быть, все может быть...

Где Мишка с Зайцем брали выпивку, остается догадываться, магазинов-то в лесу нету. Может быть у проходящих и приезжающих в лес людей воровали, но это вряд ли, потому как слишком

хлопотно и опять же, не регулярно, случая ждать надо. Дело в том, что выпивали они более-менее регулярно, не сказать конечно, чтобы каждый день, но и не от случая к случаю, это уж точно. Или сами делали, или кто из других зверей лесных этим занимался, остается только догадываться, а спросить напрямую, случай как-то не представился.

— Что-то Вороны нет. — сказал Заяц, осматривая ветки дерева под которым они расположились. — Обычно она наперед знает, где мы с тобой расположимся и заранее прилетает, ждет, зараза.

— Прилетит, никуда не денется. Еще ни разу не было, чтобы она выпивку пропустила. Наверное за сыром пришлось далеко лететь, вот и опаздывает. — Мишка был занят тем, что вытирал травой кружку.

Ворона была третьим и по словам Мишки, неизменным участием их посиделок. Делала она это с присущей всем ее сородичам хитростью и изобретательностью. Правда, изобретательность была одна и та же и разнообразием не отличалась. Ворона заранее запасалась сыром и увидев как Заяц с Мишкой начинали суетиться по поводу..., сверху-то хорошо все видно, занимала исходную позицию на ветке дерева под которым собирались расположиться ее неизменные сотоварищи, причем дерево она определяла безошибочно, а уж как она

это делала — неизвестно. Но сегодня где-то задержалась, может и вправду сыр закончился, а может и вообще стал дефицитом. Так что «отдых» начинался без нее а прилетит она с сыром или без него, Мишке и Зайцу было в общем-то все равно.

— Ладно, не будем ждать, когда прилетит, тогда прилетит. Наливай давай. — Мишка протянул Зайцу кружку, неведомо как оказавшуюся в лесу.

— Как это не будем ждать?! Хрен вам, а не сыра! — раздалось сверху.

Тут случилось то, что когда-то было описано в одной басне, правда там повод был другой и собеседник тоже. После произнесенной Вороной фразы сыр упал рядом с Мишкой, а Ворона, после, долго гадала, специально они так все подстроили или само собой получилось?

— Не шуми, спускайся с небес-то. Мы с Мишей летать не умеем, так что никто тебе выпить на такую верхотуру не потащит. — Заяц налил в кружку. — На, и долго не держи, без тостов обойдемся.

Ворона слетела с ветки, уселась рядышком и орудуя лапой, ловко опорожнила содержимое кружки, ну прямо как в сказке или в мультфильме.

— Хороша! — выдохнула Ворона.

— Знаю что хороша. Давай Мишаня, чтобы лешие не журились. — Заяц налил и протянул кружку Медведю.

— Ворона, где сыр-то взяла? — выпив и отломив кусочек сыра, спросил Мишка.

— Где взяла, там еще есть. Надо будет, слетаю. — Ворона еще слегка была на взводе от того как ловко ее провели, это она так думала, что провели. А может быть выпитое уже подействовало.

— Не буянь, рано еще. Ну, поехали. — Заяц выпил и тоже отломил себе сыра.

— Что празднуем, или не виделись давно? — спросила Ворона.

— Скажешь тоже. — хмыкнул Мишка.

— Да уж, вы как два сапога в одной калоше. Только не могу понять, почему Заяц с тобой на зиму спать не ложится? Два таких друга, а зимой порознь — непорядок. — ехидничала Ворона.

— Да я ему говорил, не хочет. Говорит, что пока спишь, много интересного в лесу пропускаешь. А что тут интересного? Одни сугробы и холодно. — не уловив подначки Вороны ответил Мишка.

Мишка, он же Медведь, был пусть и не самым главным, но, так сказать, и не последним из лесных жителей. Был он добрым и чего греха таить, туповатым, а вернее будет сказать, доверчивым и все сказанное принимал за «чистую монету», так что обмануть его или разыграть, труда не составляло. Вот и сейчас, не замечая что Ворона

просто подтрунивает над ним, воспринял все сказанное совершенно серьезно.

Было дело, случились в Мишкиной жизни два «прокола», о которых он вспоминать не любил и наоборот, о которых очень любил вспоминать Заяц. Было это когда-то давным-давно, но тем не менее, было. Сначала он повстречал в лесу заблудившуюся девочку, Машенькой назвалась, и взял к себе жить, ну чтобы хозяйство вела, тогда у него еще дом был, это уж потом он на это плюнул и стал вольным лесным жителем.

Так эта соплячка обвела его вокруг пальца. Однажды сказала, что напекла пирожков и попросила отнести их в деревню, ну как гостинец от нее. Мишка и пошел. А сама девчонка хитрой оказалась, уж сейчас и не узнать пекла ли она эти пирожки на самом деле, только вместо пирожков сама в котомку залезла и как бы все видя на расстоянии, не позволяла ему присесть, отдохнуть, ну и пирожком подкрепиться. Так и отмахал Мишка без отдыха верст двадцать, покуда до деревни не добрался. А там собаки, ничего не оставалось как бросить котомку и бежать опять в лес, покуда цел.

А еще мужик один над ним всласть поиздевался. Мужик тот поле засеял, а Мишка тут как тут и предложил, причем предложил, а не угрожал как потом рассказывали, что мол будет

охранять его поле от тех же Вороны, Зайца и прочих охотников до чужого добра, а мужик за это с ним урожаем поделится. Все по честному, все честь по чести. Вот только жадным мужик оказался и сволочным, обманул Мишку, причем два раза. Вот как после этого можно людям верить?

Зато силушки Мишка был невероятной и мало кто отваживался с ним этой силушкой померяться. Но как бы в противовес силе был добр, наивен и доверчив, за что и страдал. Вот ведь как бывает в жизни.

Другое дело Заяц. Этот мог обмануть кого угодно, ну разве что кроме самого себя. Какими либо другими достоинствами, не говоря уж о добродетелях, Заяц не отличался. Он не был каким-то уж очень хитрым, нет. а Он соображал очень быстро и был наблюдательным.

Не только среди людей, но и среди лесных жителей ходит много всякой, силу своей начитанности Ботаник сказал бы, недостоверной информации. Взять ту же Лису. Уж неизвестно почему, но все считают ее хитрой. А на самом деле самовлюбленная дура, и мало того что дура, так еще и жадная.

Вот и сегодня неразлучные друзья — Мишка и Заяц, при участии Вороны, можно сказать, доброе дело отмечали. А случился очередной скандал между Лисой и Барсуком, по поводу жилплощади.

Лиса, уж в который раз собралась выселить Барсука из его, честно им вырытой и благоустроенной норы. Ну разве не дура и не жадина? Сколько раз она уже пыталась это сделать и каждый раз получала по ушам и по другим частям своего рыжего тела, однако нет, опять туда же.

Заяц, прознав об этом, кликнул Мишку и они отправились восстанавливать справедливость. Заяц обработал Лису, так сказать, словестно. Ответить хоть что-то мало-мальски вразумительное лиса не то чтобы не успела, а просто не смогла, логика у Зайца была железная, а монолог был построен так, что не подкопаешься, любой дипломат позавидует. Ну а Мишка, он даже и не бил ее, а просто один раз погрозил кулаком и этого хватило чтобы та, поняв что и в этот раз ничего не обломится, убралась восвояси. Разумеется, Барсук был благодарен спасителям своего жилища и не поскупился на выпивку. Вот вам и повод, так сказать, из-за чего и ради чего, есть что и есть из чего. Даже закусить есть чем. А раз так, то почему ж не выпить за дело доброе?

Мишка с Зайцем так и стружились. Получалось, что один обладая силушкой, а второй живым умом и хорошо подвешенным языком, дополняли друг друга. Вместе же, они составляли единое целое с которым в лесу мало кто, по собственному желанию, отваживался связываться.

Единственное, ну когда Заяц не то чтобы «прокалывался», а как бы это правильно сказать, делал вроде бы то, но иногда получалось, что не совсем то. Зимой Мишка ложился спать, а Заяц до весны оставался в одиночестве и был предоставлен сам себе. Но дело в том, что живость ума и природное чувство справедливости не давали покоя Зайцу и в трескучие морозы. Оставшись без силовой поддержки, Заяц, как бы по инерции, так и продолжал влезать во все лесные дела и конфликты восстанавливая справедливость и извлекая для себя выгоду там, где ее можно было извлечь.

Но Мишка-то спал и поддержать его было некому, вот и приходилось Зайцу частенько быстро бегать по сугробам и прятаться под кустами, не все же понимали, что весна рано или поздно наступит и Мишка проснется а уж тогда, нет, лучше и не представлять, что тогда будет. Весной Мишка просыпался. Кстати, Заяц уже где-то за неделю до его пробуждения сидел около берлоги и не отлучался надолго, ждал получается. После теплой встречи и дежурных вопросов: «Ну как ты?», Заяц «отчитывался» о проделанной им за зиму работе и рассказывал о происходящем в лесу, вводил в курс дела так сказать.

А дальше Мишка, может для того, чтобы просто размяться, а может потому, что Заяц был его другом, принимался дополнять сделанные Зайцем